

Институт славяноведения РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Институт истории САН

**Русские и словаки
в XIX–XX вв.:**
Контакты, взаимодействие, стереотипы

Тезисы докладов

**Международной
научной конференции**
(Москва, 2–4 октября 2007 г.),
приуроченной ко Второму заседанию
Комиссии историков России и Словакии

Москва, 2007

Институт славяноведения РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Институт истории САН

Русские и словаки в XIX–XX вв.:
Контакты, взаимодействие, стереотипы

Тезисы докладов

Международной
научной конференции
(Москва, 2–4 октября 2007 г.),
приуроченной ко Второму заседанию
Комиссии историков России и Словакии

Москва, 2007

Ответственный редактор – к.и.н. М.Ю. Досталь

Переводы тезисов словацких коллег
осуществлены – к.и.н. М.Ю. Досталь, д.и.н. Э.Г. Задорожнюк,
д.и.н. Е.П. Серапионовой

Русские и словаки в XIX–XX вв.: Контакты, взаимодействие, стереотипы. Тезисы докладов международной научной конференции (*Москва, 2–4 октября 2007 г.*), приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии. М., 2007. 56 с.

В сборнике помещены тезисы докладов вышеназванной научной конференции, большинство докладов которой посвящено актуальным проблемам национальной идентичности словаков и русских в XIX–XX вв., сложившимся стереотипам их представлений друг о друге, вопросам развития двусторонних связей и пр.

© Институт славяноведения РАН, 2007

Состав Комиссии историков России и Словакии

Российская часть

Тишков Валерий Александрович, член.-корреспондент РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН, председатель Комиссии

Марьина Валентина Владимировна, д.и.н., в.н.с. Института славяноведения РАН, вице-председатель Комиссии

Досталь Марина Юрьевна, к.и.н., с.н.с. Института славяноведения РАН, ученый секретарь Комиссии

Мурашко Галина Павловна, д.и.н., в.н.с. Института славяноведения РАН, член Комиссии

Задорожнюк Элла Григорьевна, д.и.н., в.н.с. Института славяноведения РАН, член Комиссии

Богданов Юрий Васильевич, к.и.н., с.н.с. Института славяноведения РАН, член Комиссии

Мартынова Марина Юрьевна, д.и.н., в.н.с. Института этнологии и антропологии РАН, член Комиссии

Лаптева Людмила Павловна, д.и.н., профессор МГУ, член Комиссии

Павленко Ольга Вячеславовна, к.и.н., доцент РГГУ (Москва), член Комиссии

Михальченко Сергей Иванович, д.и.н., проректор Брянского гос. университета, член Комиссии

Крючков Игорь Владимирович, д.и.н., проректор Ставропольского гос. университета, член Комиссии

Рокина Галина Викторовна, д.и.н., профессор Йошкар-Олинского университета, член Комиссии

Словацкая часть

Барновский Михал, д.и.н., Институт истории САН, председатель Комиссии

Ивантышинова Татьяна, к.и.н., Институт истории САН, вице-председатель Комиссии

Кодайова Даниэла, Институт истории САН, ученый секретарь Комиссии

Картоус Петер, к.и.н., директор Архивного управления в Братиславе, член Комиссии

Богуслав Глава, к.и.н., проректор Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе, член Комиссии

Матейко Любор, магистр, доцент Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе, член Комиссии

Гарбулева Любица, к.и.н., доцент Прешовского университета, член Комиссии

Введение

В настоящее время особую актуальность приобретают отношения с Центральной Европой. После «бархатных» революций 1989 г. в этом регионе научные связи со словацкими историками заметно ослабли. Для их восстановления принципиально важную роль играет деятельность Комиссии историков России и Словакии, которая возобновила свою работу **осенью 2004 г.** Председателем Комиссии утвержден член-корреспондент РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН **В.А. Тишков**, вице-председателем – д.и.н., в.н.с. Института славяноведения РАН **В.В. Марьина**, ученым секретарем – к.и.н., с.н.с. того же Института **М.Ю. Досталь**. Словацкую часть Комиссии возглавляет д.и.н. **М. Барновский** (Института истории САН), вице-председателем является к.и.н. **Т. Ивантышинова** (Института истории САН), ученым секретарем – **Д. Кодайова** (Института истории САН). Первым мероприятием Комиссии стало заседание, проведенное 21–22 сентября 2005 г. в Братиславе. К заседанию была приурочена международная конференция «СССР – Словакия на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы (К 60-летию Победы над фашистской Германией)». При отсутствии В.А. Тишкова и В.В. Марьиной российскую делегацию возглавляла д.и.н., в.н.с. Института славяноведения РАН Г.П. Мурашко. В центре внимания и живой дискуссии участников конференции находились проблемы Словацкого национального восстания 1944 г. и конфессиональной политики СССР и Словакии в годы Второй мировой войны и послевоенные годы. С докладами на Комиссии выступали с российской стороны В.В. Марьина (заочно), Н.В. Волостинова, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.В. Волокитина и М.Ю. Досталь. Итоги конференции освещались в СМИ и имели общественный резонанс. По ее материалам словацкие коллеги опубликовали сборник статей «Конец Второй мировой войны и проблемы церковной политики в послевоенное время» (Братислава, 2006. 160 с. На словацком языке).

Второе заседание Комиссии состоится в Москве 2–4 октября 2007 г. Тема сопутствующей международной конференции: «Русские и словаки в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы». Проблемы, поставленные на данном научном форуме, идут в фарватере перспективных и актуальных научных разработок в странах Европы и Америки. В эпоху острых этно-национальных конфликтов важно определить и наметить перспективы изучения проблем национальной и государственной идентичности с учетом новой этнологической карты Центральной и Юго-

Восточной Европы. Анализ разных аспектов идентичности словаков и русских в XIX–XX вв. будет в центре внимания участников конференции. Здесь предполагается также рассмотреть стереотипы восприятия русских в Словакии и словаков в России, их контакты и взаимодействие в разных сферах общественной жизни.

В более широком плане участники конференции коснутся вопросов сохранения славянской идентичности в чужеродном этническом и конфессиональном окружении.

Представляется, что данная конференция будет иметь важное научно-политическое значение для более углубленного понимания истории и культуры России и Словакии и налаживания научного сотрудничества между учеными обеих стран.

В данном издании публикуются тезисы докладов участников конференции, поступившие в распоряжение Оргкомитета. Планируется издание текстов докладов.

М.Ю. Досталь

Сентябрь 2007 г.

В.А. Тишков (Москва)

Российский народ и национальная идентичность

Понимание российского народа как исторического целого и как гражданской нации высказывалось неоднократно президентом В.В. Путиным. Эта формула была позитивно воспринята многими экспертами и политиками – как единственно возможная для России и отвечающая существующему в мире опыту крупных многоэтнических государств.

В мировой практике утвердилось представление о нациях как территориально-политических образованиях. Неоднородные по составу населения государства самоопределяют себя как нации и считаются национальными. Это является ключевым моментом обеспечения стабильности и согласия в обществе и залогом крепости государства не меньше, чем наличие конституции, армии и охраняемых границ. Идеология гражданской нации включает принципы ответственного гражданина, версию общего прошлого, с его драмами и достижениями, патриотизм и лояльность государству. Все это в мировом политическом и научном языке называют гражданским или государственным национализмом, который является одной из важнейших политических идеологий.

Гражданскому национализму противостоит идеология этнического национализма от имени этнической общности, которая может составлять большинство или меньшинство населения, но которая определяет своих членов, а не всех граждан нацией и на этом основании требует «собственной национальной государственности» или привилегированного статуса. Различия между двумя типами национализма существенны: этнический национализм основан на идеологии исключения и отрицания многообразия, а гражданский национализм основан на идеологии солидарности и признания многообразного единства. Особый вызов государству и гражданской нации представляет радикальный национализм от имени меньшинств, желающих выйти из общего государства путем вооруженной сепарации. Этнический национализм большинства также несет в себе риски, ибо он может объявить государство исключительной собственностью одной группы и тем самым породить противников государства среди меньшинств.

В России понятие «российский народ» («россияне») родилось во времена Петра I и М.В. Ломоносова и утверждалось выдающимися деятелями, начиная от Н.М. Карамзина. В царской России существовало представление о российской, или «общерусской», нации (П.Б. Струве), а слова «русский» и «российский» были во многом синонимами.

Утверждение образа России как национального государства российской (или общерусской) нации не было завершено к 1917 году не по

причине многоэтничного состава населения или обширности территории, а по причине косности самодержавия и идеологического разброда среди элиты. Тем не менее, ошибочно считать, что поскольку дореволюционная Россия была империей, то по этой причине она не была национальным государством. В дореволюционной России было представление о национальной территории, национальных интересах и национальной экономике, существовал многочисленный слой образованного и служивого населения разной этнической и религиозной принадлежности, которые считали себя представителями одного российского народа и своим Отечеством считали Россию. Не случайно в ходе революции и Гражданской войны противников большевиков объединял лозунг защиты единой и неделимой России. Образ России как «тюрьмы народов» утвердился уже в советское время на принципе революционного отрицания прошлого. Современные исследования позволяют говорить о России до 1917 г. как о формирующемся национальном государстве с национальным ядром на основе русскоязычной российской культуры.

В СССР приоритет нациестроительства был спущен с общегосударственного на регионально-этнический уровень. «Национальной государственностью» были названы этнотерриториальные автономии в форме союзных и автономных республик. На основе этнических общностей и религиозно-племенных идентичностей были сконструированы «социалистические нации». Население страны жестко разделилось по «нациям и народностям». Изменилось содержание понятия «русский», которым стали обозначать только бывших великороссов, а категория великоросс исчезла из общественной практики, а затем из самосознания людей. В свою очередь, малороссы стали называться украинцами, белорусы остались белорусами, но обе группы перестали считать себя одновременно и русскими.

Единство советского народа обеспечивали формулы интернационализма и дружбы народов. На самом деле это единство обеспечивалось авторитарной формой управления, идеологией патриотизма и общими историко-культурными ценностями (кино, литература, театр, музыка, наука). При всех социально-политических деформациях советский народ представлял собой гражданскую нацию, а СССР был национальным государством не в меньшей мере, чем другие крупные и гетерогенные по составу населения государства, которые считались национальными государствами (Австралия, Великобритания, Испания, Китай, Индия, Индонезия, США, Канада, Бразилия, Мексика).

Наделение «своей государственностью» и привязка этнических общностей к территориям послужили одним из факторов распада СССР во имя «национального (читай – этнического) самоопределения. Уже после распада советский народ как общность был объявлен химерой, а

СССР – последней империей. Однако СССР был продолжением исторического российского государства, несмотря на радикальный разрыв в 1917 г. вплоть до исчезновения слова «Россия» из названия страны. Вместе с ним ушли из языка понятия «российский народ» и «россияне». Для забывших свою историю граждан автором этих понятий неожиданно-негаданно стал Б.Н. Ельцин.

По инерции политико-правового мышления в Конституции Российской Федерации сохранилась формула «многонациональности», хотя более адекватной была бы предложенная еще в 1920-е годы И.А. Ильиным формула «многонародной нации» (вместо «многонационального народа»). Тем не менее, Россия не может в третий раз совершать ошибку доктринального характера в ответственном вопросе определения сущности государства и идентичности народа. Исправить текст основного документа сложно, но необходимо более последовательно утверждать понятия «нация» и «национальное» в общегосударственном смысле, не отвергая существующую практику использования данного понятия в этническом смысле.

Сосуществование двух разных смыслов для такого политически нагруженного понятия, как «нация», возможно в рамках одной страны. Главное – объяснить, что эти две формы общности не являются взаимоисключающими и понятия «российский народ» и «россияне» не отрицают существования русского, татарского, осетинского, якутского и других народов нашей страны. Поддержка и развитие языков и культур народов России должны идти вместе с признанием российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны. Эта новация давно назрела, и фактически она признана на уровне повседневной жизни. При опросах и в конкретных действиях гражданская принадлежность, связь с государством и признание российскости являются более важными по сравнению с этнической принадлежностью для подавляющего большинства населения.

Высказываемое некоторыми специалистами и политиками предложение признать в России государствообразующую русскую нацию и вернуть дореволюционное, широкое понимание русских реализовать невозможно. Украинцы и белорусы уже не согласятся снова считать себя русскими, а татары и чеченцы себя таковыми никогда и не считали, но они вместе с представителями других российских национальностей считают себя россиянами. Престижность русскости и статус русских нужно утверждать не отрицанием российскости, а через утверждение двойной идентичности (русской и российской), через улучшение условий жизни регионов преимущественного проживания русских, через содействие их социальному и политическому представительству в российском государстве.

В свете нашей доктрины возможно множественное употребление понятия «нация» (русская или татарская нация не исключает российскую нацию и наоборот), но само государство должно называть «национальной политикой» политику обеспечения национальных приоритетов и интересов страны, а политика сохранения и управления этнокультурным многообразием должна называться «этнической политикой». Это следует учесть при внесении коррективов в действующую Концепцию государственной национальной политики 1996 года.

Таким образом, нация – это не продукт моноэтнической эволюции и тем более не кровно-биологическая субстанция в форме этноса, а результат общего исторического опыта и целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению представлений о народе как о нации, ее ценностях, символах, устремлениях. В России же существует реальная общность россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка, но усилия значительной части политической и экспертной элиты направлены на отрицание этой общности.

Аргументы противников национальной российской идентичности из разных лагерей («имперская природа» современного режима, этнический сепаратизм, бунт униженного русского народа, социальная дифференциация, недостаток демократии т. п.) являются несостоятельными. Подобные претензии можно высказать всем государствам мира, которым состав населения, характер правления и внутренние конфликты не мешают считать себя и признаваться внешним миром национальными государствами. В отношении же России намеренно поддерживается видение незавершенного национального самоопределения, допускающее дальнейшую дезинтеграцию страны. Эту ситуацию следует срочно менять.

Национальная идентичность утверждается, прежде всего, через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и массмедийное производство. Российская Федерация нуждается в доктрине обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности.

Д. Шварна (*Банска Быстрица*)

Генезис словацких национальных символов

Символы являются необходимой составной частью духовной жизни человека и общества. Они составляют наиболее постоянный и распространенный элемент культуры и коммуникации, сыграв важную роль в формировании современных наций в Центральной Европе в конце

XVIII в., помогая сглаживать социальные, региональные и конфессиональные различия в рамках одного этноса и способствуя таким образом осознанию национального единства и идентичности. Значение символов могли приобретать фактически все природные, общественные и духовные явления. Их создание было обусловлено рядом внутренних и внешних, текущих и исторических моментов. Чрезвычайно важным фактором являлось отношение исторической государственности к национальному движению. Движения, которые поддерживались государством, использовали его исторические символы и развивались быстрее. Напротив, у наций, которые формировались без поддержки государства и политики, возникали сложные символы, которые имели к исторической государственности косвенное отношение.

В конце XVIII в. словацкие символы вполне гармонировали с контекстом Венгерского королевства. Не только венгерские, но и словацкие патриоты почитали венгерских святых, государей, историю Венгрии. При этом последние начинали культивировать свою историческую память и создавать словацкие символы. Наибольшее внимание они уделяли Великой Моравии, которую интерпретировали как государство словаков, определяя Святополка как словацкого сюзерена и пестуя культ местных святых Кирилла и Мефодия. В то время они не чувствовали противоречия между Венгрией и Великой Моравией, представляя Венгрию как ее естественного покровителя.

В первые десятилетия XIX в. великоморавская и кирилло-мефодиевская символика воспринимались как несомненная ценность. Часть словацких патриотов уже не признавала соответствия между Венгрией и Великой Моравией. В духе славянской взаимности прошлое словаков связывалось с другими славянами гораздо чаще, чем с Венгрией. Чутко воспринимались трагические моменты в истории словаков, идеализировались славянские ученые, воины, политики. Особенный интерес и внимание снискала народная культура, некоторые народные герои превращались в национальных. Это относится, прежде всего, к «благородному» разбойнику Юраю Яношику, который стал олицетворением защитников униженных, борца против гнета и несправедливости.

Значительную роль сыграли и природные явления. Одним из наиболее типичных словацких символов стали Татры. Их магическое притяжение обосновывала теория, согласно которой в отрогах этих гор происходил этногенез славян. Татры воспринимались как средоточие и связующая нить славянства, а словацкий язык – как наиболее древний и «первобытный».

В 1840-х годах в качестве национальных символов стали обозначаться горные вершины, особенно г. Кривань. Восхождение на Кривань

воспринималось как национальная манифестация. Подобными символами определяли и другие доминанты словацкого пейзажа – древние крепости (грады). Важнейшее место среди них занимал Девин у Братиславы. В его руинах братиславские студенты принимали народные имена. Речь шла о словацких (славянских) личных именах. Патриоты стали рассматривать историю Венгрии также как словацкую, но одновременно пытались заменить венгерские мифы национальными. Они акцентировали «славное» довенгерское прошлое словаков, которое связывали, прежде всего, с Великой Моравией. В истории Венгрии они подчеркивали те моменты, из которых можно было сконструировать самостоятельный статус словаков. Они придавали особое значение некоторым «олигархам», например, Матушу Чаку (XIV в.) и Яну Искре (XV в.), называя их словацкими властителями.

Свое место в череде символов занимали гимны. Именно в 1840-е годы словацкие студенты сочинили патриотическую песню, ставшую нынешним гимном Словацкой Республики. Романтически настроенные писатели и публицисты начали проявлять особое уважение к доселе считавшейся маргинальной «пасторальной» народной культуре, определяя ее отдельные атрибуты как типично словацкие (валашка, пастушеский шалаш, танец «одземок», кушак).

Исключительно важное значение для развития геральдической символики у каждого центрально-европейского народа имела революция 1848–1849 гг. Весной 1848 г. на общественных собраниях впервые появились словацкие знамена – со знаком двойной крест над тремя вершинами, и повторно – в сентябре 1848 г. Оба символа сопровождали акции по борьбе за территориально-политическую автономию Словакии в рамках Венгрии (части Габсбургской монархии). В 1849 г. словацкие политики впервые открыто определили Венгрию как символ тысячелетнего угнетения словаков. В 1850-е годы символическое содержание приобрели танцы, еда и напитки (демикат – суп из брынзы, галушки, боровичка). Олицетворением словаков стал, прежде всего, дротарь (разносчик проволочных изделий), возводили на пьедестал и пастуха.

В 1860-е годы широкую популярность приобрел культ Кирилла и Мефодия, особенно по случаю празднования 1000-летия их прибытия в Великую Моравию.

Современные словацкие символы наиболее интенсивно формировались в период с 1780 по 1860 г. В 60-е годы XIX в. их состав утвердился. Наряду с общими чертами они приобрели ряд специфических элементов. Словацкие символы синтезировали венгерские, славянские, чешские и, естественно, словацкие атрибуты и инспирации. По сравнению с венгерскими и чешскими символами они отличались большей скромно-

стью. В них гораздо слабее были представлены исторические реалии, особенно атрибуты, связанные с Венгрией, государями, династией, аристократией, дворянством. Эта скромность проявлялась в почти полном отсутствии символов, олицетворявших сопротивление и насилие – войны, войны и революционеры. Средне были представлены святые, ученые, женщины.

В словацкой символике сельские мотивы преобладали над городскими. Большой вес, как и у соседних этносов, приобретали символы, связанные с народной культурой, горными пейзажами, низшими слоями общества, мифом о скромности и равноправии, социальной справедливости. Словацкие символы отражали в большей степени угнетение и терпение, чем успехи, боевой запал, победы. Последний образ больше импонирует привилегированным и состоятельным слоям словацкого общества. Наибольшее влияние на формирование словацких символов оказало литературное творчество и краеведение, значительно меньшее – живопись и театр, почти никакое – скульптура, опера, политика, официальная наука. Творцом национальных символов выступала интеллектуальная элита, поэтому их популярность была мала, оттеснялась на обочину общественной жизни. Широкое распространение они приобрели во время революции 1848–1849 гг. и в 1860-е годы в национально «пробужденных» регионах. После заключения дуалистического австро-венгерского соглашения от них отступились: в трудных условиях мадьяризации большинство словаков приняло официальную венгерскую символику. Только после возникновения Чехословакии, когда словацкие символы получили официальный статус, они спонтанно получили распространение во всем словацком обществе.

Г.В. Рокина (*Йошкар-Ола*)

Русские глазами словаков, словаки глазами русских: стереотипы восприятия в реалиях XIX в.

Русско-словацкие научные и культурные связи XIX в. достаточно подробно изучены в отечественной и зарубежной славистике. Можно с уверенностью отметить, что современные русско-словацкие взаимные контакты еще не нашли столь подробного освещения ни в публицистике, ни в научной литературе. В связи с этим исторический опыт XIX столетия имеет важное значение для изучения стереотипов и их трансформаций в истории русско-словацкого сотрудничества.

Первые программы включения словаков в политические планы русских появились у декабристов. Известно, что декабристы разработали план создания федеративных союзов и национальных государств на Балканах. Именно в «Южном обществе» и «Обществе соединенных славян» впервые возникли проекты создания балканской и славянской федераций. По мнению академика М.В. Нечкиной, члены «Общества соединенных славян» считали венгров славянами. Учитывая, что это были 1820-е гг., вполне вероятно, что члены общества повторили частое заблуждение того времени, когда словаков называли венгерцами.

Упоминания о словаках как о венгерцах часто встречается на страницах русской периодической печати первых двух десятилетий XIX в. С 1830–1840-х гг. с установлением налаженных связей русских ученых со славянскими общественными деятелями, информация в Россию стала поступать из первых рук. Русская общественность стала отличать словаков (чаще в литературе писали «словенцев») от «богемцев» и «венгерцев».

Важную роль в изменении восприятия словаков как части единого славянского племени сыграли поездки российских ученых и интеллектуалов в славянские земли в конце 1830 – начале 1840-х гг. Знакомство с реальной жизнью западных славян, их историей, языком и литературой, ведущими представителями славянской интеллигенции заставили первых российских славянофилов совершенно иначе оценить значение славянского мира. С другой стороны, можно предположить, что новый взгляд на Европу через «славянскую призму» привел к усилению в их учении акцента противопоставления славянского и романо-германского миров.

В 1850–1860-е гг. русско-словацкие контакты приобрели систематический и прагматический характер, в первую очередь, для представителей славянофильского и панславистского направлений русской общественной мысли. Для основной же части русского общества словаки оставались малоизвестны.

Последняя треть XIX в. дала наиболее яркие примеры русско-словацких контактов: словацкие студенты приглашались учиться в российские университеты; словацкие учителя древних языков преподавали в русских гимназиях. В кругу русской интеллигенции многим стало известно имя словацкого врача Льва Толстого – Д. Маковицкого.

На бытовом уровне русско-словацкие контакты сложились довольно рано, еще в XVIII в. Они были связаны с торговыми интересами словацких олейкарей, шафранников, дротарей, которые занимались своим промыслом во многих районах Российской империи.

К основным чертам сложившегося в русской литературе XIX в. стереотипа восприятия словаков можно отнести следующие: народ с глубоким сердцем, искренне преданный славянской взаимности, ува-

жающий русских, жестоко угнетаемый мадьярами, подвергающийся смертельной опасности за верность всему русскому.

Этот стереотип во многом до сих пор используется в литературе, несмотря на то, что реалии XX в., опыт Чехословацкой республики, Второй мировой войны, народно-демократическая Чехословакия и современная история самостоятельной Словакии дают новые, совершенно отличные от прошлой истории примеры русско-словацкого сотрудничества.

М.Ю. Досталь (Москва)

Образ Словакии и словаков в трудах и путевых впечатлениях первых российских университетских славистов (30–40-е гг. XIX в.)

Первые университетские слависты, преподававшие на кафедрах «истории и литературы славянских наречий» в Московском, Харьковском и С.-Петербургском университетах: М.Т. Каченовский, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский являлись одними из первых ученых России, которые проявили научный интерес к словакам. В то время, в начавшуюся эпоху национального возрождения и модернизации, этот небольшой народ в Центральной Европе, рано утративший свой суверенитет, находившийся под двойным государственным подчинением венгров и австрийцев, разделенный по конфессиональному признаку на католиков и протестантов, предлагавшими свои варианты литературного языка – «бернолаковщину» и чешскую «библичтину», только что начавший бороться за свои национальные права против усиливающейся мадьяризации, естественно, не мог представлять какого-либо отдельного интереса для российской общественности. Только вместе с другими славянскими народами и славянством в целом, первоначально в рамках славяноведения, которое стало новым предметом преподавания в российских университетах.

Следовательно, первым университетским славистам (включая посетивших словацкие земли П.И. Кёппена и М.П. Погодина) принадлежит заслуга формирования первых представлений о словаках в России. Причем именно как о самостоятельном в отношении языка народе, в чем сомневались в разной степени такие авторитетные западнославянские ученые, как Й. Добровский, а также Я. Коллар, П.Й. Шафарик, ревностно выступавшие за сохранение чешско-словацкого языково-литературного единства.

Бодянский и Срезневский сочувственно отнеслись к кодификации словацкого литературного языка Л. Штуром в 1843 г., за что их даже

стали обвинять в подстрекательстве к «отторжению» словаков от чехов. На самом деле они, как «обитатели» Малороссии (Украины), где сильнее распространялись идеи славянского единства, но в то же время представители суверенной могущественной российской империи, лучше понимали не только настроения общеславянской «взаимности», но и необходимость уважения национальной идентичности каждого славянского народа, признания его равноправного положения в семье соплеменников. Поэтому им были чужды идеи какого-то промежуточного «чехословакизма», проповедуемого Я. Колларом, и ближе представления о национальной эмансипации, не исключая стремления к духовному и культурному единению славян, предлагаемые Л. Штуром и его соратниками.

Примечательно, что Бодянский и Срезневский, как романтики, представили – один на основании данных фольклора, другой – этнографии, привлекательный «портрет» словацкого народа, наделив его лучшими чертами славянского характера: миролюбием, добродушием, гостеприимством, и признав народом сельским, патриархальным, «идиллическим». Срезневский кроме того давал описание диалектов словацкого языка, занятий и этнических особенностей населения в разных регионах. Слушатели первых университетских славистов в Москве, Харькове и С.-Петербурге получали некоторые сведения об истории этого народа, его первых государственных образованиях, мадьярском завоевании, о наличии разных конфессий и вариантах литературного языка. В их изложении не выражалось никакого высокомерия представителей «великой» нации к «малой», что проявлялось, например, в трудах немецких и венгерских ученых. Наоборот, они очень уважительно писали об успехах образования в Словакии, о сочинениях лучших представителей словацкой интеллигентной элиты: А. Бернолаке, Я. Голлом, Я. Колларе, П.И. Шафарике, Л. Штуре и пр.

Таким образом, благодаря первым университетским славистам русское образованное общество могло составить весьма благоприятное и сочувственное представление о небольшом славянском народе – словаках, затерявшихся в горах Центральной Европы, что, несомненно, способствовало укреплению и развитию русско-словацких культурных связей, а ощущение поддержки и сочувствия со стороны русских ученых – развитию самосознания самого словацкого народа в трудных условиях мадьяризации.

Д. Кодайова (Братислава)

Россия в путевых записках словаков (1867–1914)

Путевые записки (дневники), как вид письменного источника, представляют собой описание путешествия, имеющее важное документальное и фактологическое значение. Как литературный жанр они получили развитие и приобрели популярность во всех образованных обществах. Наряду с первоначальной практической информацией о замысле и целях предпринимаемой поездки, в них содержались, как правило, географические сведения, описания природы и климата, данные о расстояниях, рекомендации и практические советы, которые можно рассматривать как намерения в культурном и общественном плане описать население увиденной страны и распространенные там обычаи.

В литературе Средневековья и Раннего Нового времени преобладали сведения о посещении наиболее популярных среди путешественников мест. Подобные сочинения имели документальное и воспитательное значение, способствуя духовному обогащению и приобретению опыта. Записки духовного и описательного плана скоро ушли в прошлое. Новые авторы стремились привлечь внимание читателей путем включения в них отрывков их художественной литературы, драматизации поступков, а также описания фиктивных светских приключений.

В XVIII в. возник новый тип путевых записок, т. н. интеллектуальная рефлексия общественных и культурных отношений, причем не только в незнакомых городах и странах, но и в своем отечестве. В подобных сочинениях на первый план выступала исповедь автора: его мотивация, субъективная оценка и, наконец, некое послание читателям, а не выбор описываемых местностей и достопримечательностей. Зачастую записки вступали в конфронтацию с предшествующими представлениями о данной местности, создавали или подтверждали стереотипы, перечисляли существующую литературу по теме. Путевые дневники являлись одним из жанров, которые активно использовал национализм XIX в. Направленная селекция описываемых мест предпринималась с целью популяризации отечества, прежде всего мест, связанных со славными историческими событиями своего народа. Так же как отдельные конфессии имели свои святые места, существовали и «священные места» у отдельных народов и этносов: «стобашенная» Прага, Москва – «матушка» городов русских, Киев – колыбель, прародина славян, место крещения, Солунь – Нитра – Охрид – Велеград, связанные с кирилло-мефодиевской традицией, Татры – центр славянства. При характеристике путевых объектов ав-

торы сосредоточивали свое внимание на описании простого народа, его жизни, особенностей (характера), народной культуры и творчества.

В спектре словацкого политического мышления в 40-е годы XIX в. важную роль играла славянская и уже – русофильская ориентация части культурно-политических деятелей национального движения. Они стремились пропагандировать русскую культуру и искусство, распространять знания об истории России и современном политическом развитии страны. При этом подчеркивались славянское происхождение русского народа, славянские элементы русской культуры и сознательная заинтересованность России действовать на благо остальных славян. Они старались найти такие моменты в славянском прошлом, когда судьбы наших народов переплетались, искали таких деятелей в России, которые посещали Словакию и словаков, а также тех, кто побывал в России и оставил оригинальные свидетельства о стране. Национализм создавал своих героев, которые в записках приобретали черты почти местных святых. В виду того, что национализм обожествлял язык и словесность на литературном языке, в этой области также появились свои «святые». Это были, прежде всего, ученые, писатели, художники или проповедники национальной культуры. В путевых заметках описывались путешествия в их родные «пенаты», места, связанные с их деятельностью, места заключения и погребения. Здесь использовались устойчивые словосочетания: Мошовце – славянский Вифлием (родина Яна Коллара), Турчанский св. Мартин – словацкий Назарет. Организовывались поездки к Шафарику в Прагу, к Ягичу в Вену. Одним из самых распропагандированных стало участие славянских делегатов во Всероссийской этнографической выставке в Москве, определенное как «путешествие» славян в древнюю столицу России.

Интерес словаков к более широкому славянскому этническому пространству зиждился на стремлении утвердить собственное славянское происхождение и свою идентичность, от которых зависело определение их места и значения в семье славянских народов. Малочисленные словаки, жившие в XIX в. в государственных формированиях, в которых ставилось под сомнение само их существование как народа, сознавали необходимость опоры на большую славянскую семью. В этой семье их значение должно было определяться не численностью, а заслугами выдающихся личностей, «подаренных» славянству. Словаки дали миру Коллара, автора «Дочери Славы» – евангелия славянской взаимности, Голлого, поэта славянской первобытности, Шафарика, автора научной аргументации славянских древностей и Штура, пропагандиста общего будущего славян и России.

Основы словацкого русофильства базировались не только на восхищении и любви к России, ее культуре, истории, природе и народу, но и на вере в то, что Россия в будущем примет участие в судьбах славянских народов, в том числе и словаков. Принимая во внимание давние традиции словацкого русофильства, речь шла о «политической калькуляции», с неустановленными временными рамками и не определенной институционально. Веру в Россию можно было бы не принимать во внимание, если бы, с одной стороны, она не опиралась на убеждение, что Россия должна выступить в европейской политике как великая держава и с этих позиций добиваться реализации своих целей, и, с другой – уверенность, что защита интересов славян отражает глубинные потребности самой славянской России.

Словацкие авторы путевых записок (среди них: Эмил Черны, Густав Штур, Светозар Гурбан-Ваянский, Матуш Фило, Йозеф Крафта) предприняли попытки охарактеризовать Россию и ее население. Они стремились увидеть такую Россию, которая могла быть способна выполнить поставленные ими цели: великую по своему пространству и значению славянскую державу, заботящуюся о судьбах других славян, страну с огромным экономическим потенциалом и народом, с которым легко можно достигнуть понимания, не только ввиду языкового родства, но и, прежде всего, благодаря общим типичным особенностям славян. Проанализированные нами путевые заметки, которые появлялись и публиковались в Словакии на протяжении почти столетия, с 60-х годов XIX в. до первого десятилетия XX в., являются изложением авторами своих воззрений, аргументирующих собственные русофильские идеологические конструкции.

Л.П. Лаптева (*Москва*)

Светозар Гурбан-Ваянский и Россия

Тема предложенного сообщения не относится в историографии к числу неизученных. Напротив, о ней писал целый ряд словацких авторов социалистического периода словацкой истории, когда сочинения на тему о словацко-русских отношениях были в большой моде. Можно указать на статьи П. Петруся «Поездки Светозара Гурбана-Ваянского в Россию» (1968), В.Д. Савицкого «Творчество словацких писателей конца XIX – начала XX в. (Ваянский, Гвездослав) в русских работах и переводах» (1959), А. Червеняка «Ваянский и Ф.М. Достоевский» (1968) и ряд других.

В России моды на Ваянского никогда не было за исключением последнего десятилетия XIX в., когда русские журналы славянофильско-

го направления типа «Благовест», «Славянское обозрение», «Известия Славянского Благотворительного Общества», «Славянский век» и пр. обильно печатали переводы художественных произведений – стихов и прозы – словацкого поэта. Уделялось внимание и публицистическому творчеству С. Гурбана-Ваянского, что выразилось в публикации в газете «Московские ведомости» за 1908 г. серии его статей под названием «Письма из Венгрии».

В советское время о Гурбане-Ваянском говорилось как о представителе консервативных кругов словацкого национального движения, опиравшемся на реакционные славянофильские круги русской общественности. Только к концу XX в. русские авторы несколько смягчили свои оценки, а некоторые журналы стали принимать к публикации материалы о нем.

Между тем, о таком феномене словацкой национальной культуры как Гурбан-Ваянский далеко еще не все исследовано. В частности, можно говорить о его отношении к России, его связях с русскими учеными и общественными деятелями. Можно уточнить данные о переводах его художественных произведений на русский язык. Число изданий, в которых помещались тексты и переводы прозаических сочинений было значительно больше, чем известно в современной литературе. Отклики на труды и общественную деятельность Гурбана-Ваянского в русской печати также были представлены более широко, чем было известно до сих пор.

Особый интерес вызывает переписка словацкого деятеля с русскими учеными славянофильского и неславянофильского направлений. Все эти документы позволяют скорректировать оценку отношений Гурбана-Ваянского к России, который вовсе не ожидал освобождения словацкого народа извне, будто бы «казак-освободитель придет и свергнет мадьярское иго», а призывал бороться за то, чтобы честно заслужить себе счастливую долю, ибо «бог создал нас не для незаслуженного счастья, а для борьбы за него, для труда и радостного вдохновения». По-видимому, словацкий деятель понимал, что «счастье», полученное из рук другого, не будет полным.

Что касается общественно-политического мировоззрения С. Гурбана-Ваянского, то оно было консервативным, отставшим от времени, но его нельзя квалифицировать как реакционное, ибо само это понятие имеет партийно-политический смысл и является условным.

Е.П. Серапионова (Москва)

Российско-словацкие отношения в начале XX века

Как известно, Словакия в начале XX в. являлась частью Венгерского королевства двуединой Габсбургской монархии. Естественно, что никаких официальных отношений с Российской империей у словаков, не имевших собственной государственности, не могло быть. Но с XIX в. существовали развернутые культурные и научные российско-словацкие связи, определявшиеся взаимной симпатией.

При этом российский МИД пристально отслеживал политическое и экономическое развитие словаков, получая подробные сообщения дипломатов из Австро-Венгрии. Так 25 ноября 1908 г. российский консул Муравьев-Апостол Корабынский в своем донесении писал, что «словацкая народность представляет собой весьма внушительный и жизнеспособный элемент оппозиции в Венгрии и, развивая свою политику, готовится дать ожесточенный отпор натиску на них со стороны мадьяр¹. Согласно переписи 1900 г., численность словаков составляла 2 млн. 100 тыс. человек. В письме дипломат подчеркивал, что «вся словацкая интеллигенция настроена весьма гуманно и тепло к славянству» и «отличается громадную патриотичностью»². Многие словаки завершали образование в Праге либо в России. Как сообщал российский консул, наибольшее влияние на словацкую культуру оказывала, безусловно, Богемия и чешская политика, одновременно отмечая, что «русофильство также не чуждо этой славянской народности»³.

Действительно, одно из течений существовавшей в Словакии и формально все же единой Национальной партии, т.н. мартинцы, во внешнеполитической программе однозначно ориентировались на Россию. Их русофильство не представляло собой политический панславизм и стремление к объединению с Россией, но этому консервативному течению была свойственна некая идеализация внешней и внутренней российской политики. В эту фракцию входили писатели, журналисты, адвокаты, религиозные деятели евангелического вероисповедания. Их лидером являлся Святозар Гурбан-Ваянский.

Основной поток словацких эмигрантов устремлялся за океан в новый свет, но значительное число словаков обосновалось и в России. По переписи 1897 г. в Российской империи проживало 50 385 чехов и словаков⁴. Интересно, что если в США чехи и словаки, хотя и контактировали, но всегда имели отдельные организации, никогда не смешиваясь, то в России часто они образовывали совместные союзы и объединения, а так-

же входили в общеславянские общества. Ряд словацких деятелей участвовал в распространённом в начале XX в. неославистском движении, съездах славянских журналистов, врачей, ученых.

Крайне важным этапом словацкой истории стал период Первой мировой войны, когда вырабатывались доктрины будущего политического устройства Словакии. Вместе с тем, это был и следующий этап российско-словацких отношений. В результате военных действий в России появилась значительная масса военнопленных, в том числе чешской и словацкой национальности (200–250 тыс. человек). Они создали ряд союзов и обществ, руководство которых разрабатывало концепции решения как чешского, так и словацкого вопроса. Среди словаков в России существовало и оппозиционное идеям чехословакизма направление, ориентированное на тесный союз с Россией. Одним из его представителей являлся М.Р. Штепанек⁵. Причем представители этого направления считали, что только в союзе славянских государств под эгидой России Словакия сможет получить максимально полную автономию. Российский МИД естественно симпатизировал русофильски настроенным национальным деятелям, но избегал официальных заявлений по поводу будущего чехов и словаков, предпочитая до конца войны воздержаться от принятия на себя каких-либо политических обязательств.

Вскоре после начала боевых действий в России была сформирована т. н. Чешская дружина. В нее входили чехи, поданные Российской империи, и было получено разрешение зачислять в нее пленных-добровольцев, при условии ручательства за них представителей чехословацких организаций в России. Чуть позже в дружину смогли войти и словаки. Дружинники прекрасно зарекомендовали себя в боевых действиях, но дальнейшее расширение чехословацких частей натолкнулось на ряд препятствий, как объективного, так и субъективного характера.

Значительное увеличение числа легионеров стало возможным уже после Февральской революции в России. К тому времени окончательно победила концепция создания после войны единого чехословацкого государства, а Чехословацкому национальному комитету в Париже во главе с Т.Г. Масариком удалось подчинить своему влиянию практически все заграничное сопротивление.

Недавно российско-чешские отношения подверглись очередному испытанию в связи с решением чешских властей разместить на своей территории два американских радара. В пылу разгоревшихся страстей было не до воспоминаний. А между тем 2 июля этого года исполнилось 90 лет со дня битвы у Зборова – первого серьезного сражения чехов и словаков на стороне России. В военном архиве (РГВА) сохранился документ, в котором представитель русской армии подробнейшим образом опи-

сывал эту битву, а также беспримерный героизм чехов и словаков, сумевших преодолеть, казалось бы, неприступные укрепления противника.

В дальнейшем чехословацкая бригада была преобразована в дивизию, а затем в корпус. Октябрьские события 1917 г. и выход России из войны поставили на повестку вопрос о переброске чехословацких легионеров, объявленных частью французской армии, на западный фронт. Вопрос согласовали с Советским правительством, но невыполнение сторонами условий соглашения, взаимная подозрительность и неприязнь привели к вооруженному конфликту Чехословацкого корпуса с частями Красной Армии. За короткое время май-июнь 1918 г. вся территория от Поволжья до Владивостока оказалась под контролем 50-ти тыс. чехословацкого корпуса. Окончательно уладить конфликт с легионерами удалось лишь зимой 1920 г.

Образование в октябре 1918 г. Чехословацкого государства стало новым рубежом и в словацко-российских отношениях.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1907–1909. Д. 3417. Л. 95.

² Там же. Л. 98.

³ Там же. Л. 98 об.

⁴ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965. С. 15.

⁵ *Ненашева З.С.* Милан Растислав Штефаник, словацкий вопрос и российское общественное мнение (весна 1916 – начало 1917 г.) // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001. С. 89.

И.В. Крючков (*Ставрополь*)

«Словацкий вопрос» на страницах периодики Юга России в начале XX века.

Начало XX в. ознаменовалось развитием провинциальной периодики на Юге России. В это время значительно увеличивается число периодических изданий, растет качество и содержание публикуемых материалов, появляются на страницах газет собственные аналитические материалы, посвященные злободневным проблемам внутривосточного развития России, жизни зарубежных стран и мировой политики. Данному обстоятельству способствовало появление у некоторых газет, например, у

«Приазовского края» и «Северокавказского края» собственной корреспондентской сети в зарубежных странах, что позволило черпать информацию из «первых рук».

Анализ периодики Дона и Северного Кавказа показывает, что в зарубежном разделе явно доминировала информация из ведущих мировых держав (Великобритании, Германии, США, Франции, Австро-Венгрии, Италии) и в силу своей специфики с Балканского полуострова. Судьбы «маленьких народов» мало интересовали журналистов и читателей. К числу, которых относился и словацкий народ. Тем более, что словаки «тонули» в общей массе многонациональной империи Габсбургов. На Дону и Северном Кавказе мало было известно, кто такие словаки и где они живут. Поэтому долгое время на страницах региональной периодики информация о словаках практически полностью отсутствовала. Вести, приходящие из словацких земель в основном затрагивали описание природных катаклизмов, забастовок рабочих и всякого рода курьезных случаев. Общественно-политическая, культурная и повседневная жизнь словаков оказывалась вне поля внимания журналистов Юга России. Только в 1905–1907 гг. ситуация начинает существенно меняться. Отчасти это было вызвано внутри российскими факторами: завершение русско-японской войны, вызвавшей интерес в российском обществе к событиям за пределами империи; окончание первой русской революции, за время которой общество «пересытилось» внутренними конфликтами и склоками, пытаясь найти отдушину в зарубежных новостях. С другой стороны, сами словаки громко заявили о себе именно в эти годы.

Поэтому уже в 1906 г. на страницах «Ставропольского вестника» появляется весьма примечательный материал о развитии венгерской социал-демократии. В нем в частности отмечалось, что наибольшей популярностью идеи марксизма пользуются у «низших классов словаков». Причину этого журналисты видели в отсутствии у словаков возможности национального самовыражения, в условиях полного подавления венгерскими властями любых проявлений оппозиции со стороны словацкого национального движения. При этом, в отличие от последнего, правительство Венгрии считалось с авторитетом и мнением социал-демократов. Поэтому словацкая оппозиция уходит именно к социал-демократам, где она помимо всего могла относительно безопасно отстаивать и национальные интересы словаков.

Все эти обстоятельства привели к тому, что первые сообщения в начале XX в. в прессе Юга России о жизни словаков были посвящены именно остроте венгеро-словацких отношений, и особенно в вопросах использования словацкого языка. «Терские ведомости» обратили внимание на массовые беспорядки в г. Кошице, поводом для которых послужил

на первый взгляд безобидный факт – использование одним унтер-офицером словацкого языка при общении с солдатами-словаками, за что он был наказан вышестоящими офицерами. Это событие всколыхнуло словацкую общественность. Газета, конечно, в этой ситуации выступала на стороне словаков. Правда, в самой России проблема использования языков национальных меньшинств, стояла не менее актуально.

Своеобразный прорыв информационной блокады вокруг словаков произошел после трагических событий в Черновой 1907 г., когда в результате столкновения с венгерскими жандармами погибло несколько словацких крестьян, а ряд лидеров словацкого национального движения, включая А. Глинку, было арестовано. Практически все издания предоставили данную информацию с явной симпатией к словакам, осуждая действия венгерских властей. Правда, это не помешало некоторым газетам дать венгерский взгляд на произошедшие события. «Донские ведомости», «Терские ведомости» опубликовали отрывки из стенограммы заседания парламента Венгрии, посвященного событиям в Черновой, в том числе выступлений премьер-министра Венгрии Ш. Веккерле, министра внутренних дел страны Д. Андраши и ряда депутатов парламента.

В российском общественно-политическом дискурсе начала XX в. устойчиво формируется определенный образ словака, обязательно крестьянина, неграмотного, живущего в вопиющей нищете и эксплуатируемого всеми подряд (венгерскими властями, инородным дворянством, католической церковью, еврейскими ростовщиками). В России традиционно было принято разыгрывать еврейскую карту, даже в научных изданиях, не говоря уже о периодике. В подавляющем числе публикаций подчеркивалась «нешадная эксплуатация» еврейскими ростовщиками и панами несчастных словацких и украинских крестьян. Эта тенденция даже прослеживается в донесениях генерального консульства России в Будапеште. Не избежала этой участи и пресса Юга России. На ее страницах периодически встречается такого рода информация, в частности на страницах «Кубанских областных ведомостей», которые не раз писали о происках «еврейского капитала» против словаков и русин (украинцев). При этом «еврейскую карту» активно разрабатывали консервативные, националистические издания. В либеральных газетах такая информация отсутствует.

По мере обострения ситуации на Балканах и особенно после аннексии Дунайской империей Боснии и Герцеговины тональность российских газет, включая южно-российские, по отношению к Австро-Венгрии начинает приобретать более резкий характер. Отсюда, комментарии в адрес национальной политики Венгрии становятся острее. И если раньше периодика Дона и Северного Кавказа критиковала в основном политику

венгерских властей в Хорватии и в сербских землях, то теперь пресса начинает больше уделять внимание, фактам национальной дискриминации словаков, рассказывая даже о незначительных на первый взгляд, проявлениях ущемления прав словаков. «Северокавказский край» был возмущен арестом словацкого священника Фридриховского только за то, что он, в гостинице имел не осторожность заказать музыкантам словацкую музыку. Другая газета «Кавказ», издаваемая в Тифлисе, но распространявшаяся, главным образом на Северном Кавказе, описывала арест словака Чани за требование открытия словацкой школы и призывы к родителям словацких детей, чтобы они отдавали своих детей в чешские школы. У читателя как бы напрашивался вывод: если за *это* «сажают», то, что можно сказать хорошего о положении словаков в Венгрии в целом.

Отдельной темой при освещении венгерской тематики на страницах прессы Юга России являлась эмиграция населения Венгрии в страны «Нового света» и, прежде всего в США. Рассматривались причины данного явления, главная из которых заключалась в крайней нужде жителей страны, заставлявшей людей в поисках лучшей доли уезжать за океан. Много говорилось о всякого рода жуликах, наживавшихся на эмигрантах, о неустроенности иммигрантов на новом месте жительства и т.д. При чем, здесь словаки, как правило, не выделялись отдельно, речь шла обо всех народах Венгрии в целом. Однако словацкие иммигранты в США однажды «прославились» и попали на страницы «Терских ведомостей». В одном из сообщений читатель узнавал о срыве словацкими иммигрантами в США лекции видного венгерского политика М. Каройи. Это подтверждало устоявшееся в России мнение о радикализации политических настроений части словацких иммигрантов в США и росте среди них антимадьярских выпадов.

Начало Первой Балканской войны вызвало в России новый всплеск интереса к «славянскому вопросу» и идеям славянской взаимности. Пресса с воодушевлением описывала сбор помощи славянским государствам, воюющим с Османской империей в России и за ее пределами. Особое внимание обращалось на соответствующие акции славян Австро-Венгрии. В России прекрасно понимали, что действия «Балканского союза» не вызвали восторга у Вены и Будапешта. Известия из австрийской половины империи, несмотря на отдельные эксцессы, свидетельствовали об отсутствии со стороны властей каких – либо существенных проявлений противодействия деятельности славянских благотворительных комитетов. А вот из венгерской половины приходили сообщения иного плана. В качестве примера приводились репрессии властей против словаков, занимавшихся сбором помощи для славян Балканского полуострова.

«Северокавказский край» в данной связи опубликовал информацию об аресте на 10 суток, известного в Словакии общественно-политического лидера, редактора популярной словацкой газеты «Народни новины» С. Гурбана-Ваянского, только за то, что тот организовал сбор средств, в пользу Красного Креста балканских стран. Эти, действия венгерских властей не находили понимания со стороны журналистов газеты и ее читателей. В таком же духе была выдержана информация о дисциплинарном взыскании словацких солдат пресбургского гарнизона за такую же «провинность», что и в случае с Ваянским.

С началом первой мировой войны сведения о словаках вновь становятся эпизодическими и отрывистыми. Ход боевых действий, внутриполитическое положение в ведущих странах, участниц войны, внутриполитические проблемы самой России отодвинули на второй план жизнь «маленького народа». В словацком блоке информации в основном шли сведения о жизни военнопленных солдат-словаков.

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что в начале XX в. в периодике Дона и Северного Кавказа отмечается некоторый всплеск интереса к словацкой проблематике. И, несмотря на то, что вести из Словакии – «Северной Венгрии» были скупы по сравнению с информационными материалами, посвященными жизни других народов империи Габсбургов (чехов, поляков, украинцев, хорватов, румын), они в любом случае стали своеобразным прорывом информационной блокады вокруг словаков, давая жителям Юга России пусть даже обрывочные сведения о развитии словацкого народа в начале XX в. Новости из словацких земель, действительно были односторонни, они в основном, охватывали венгеро-словацкие противоречия, практически полностью опуская из поля зрения другие сферы жизни словацкого общества. В тоже время, главное, здесь то, что обыватель региона впервые услышал о существовании словаков как самостоятельного народа.

Т. Ивантышинова (*Братислава*)

Национальная идентичность словаков и споры о наследии Л. Штура в XX в.

Вскоре после возникновения Чехословацкой республики вопрос об идейном «наследии» лидера словацкого национального движения Л. Штура (1815–1856) стал одним из наиболее актуальных в словацком обществе. Начало полемике положила книга ведущего словацкого журналиста и политика Милана Годжи «Чехословацкий раскол» (Турчанский св. Мартин, 1920), в которой кодификация словацкого литературного

языка Л. Штуром в 1843 г. определялась автором как политическая акция – *politicum hungaricum* – знаменующая уступку венгерскому правительству, а не как следствие естественного языкового развития словаков. Атака на Штура и словацкий язык удивила сторонников новой республики, но многие, подобно большому знатоку словацкой истории Йозефу Шкультеты, задались вопросом, почему штуровские традиции в чехословацких реалиях оцениваются в основном отрицательно. Вначале Шкультеты считал эту тенденцию просто *большой ошибкой*, но скоро стало очевидно, что критическое отношение, проявляемое к наследию Штура и словацкому языку, являются наступлением на национальную идентичность словаков.

Главным оппонентом Годжи выступил, как мы указывали, Йозеф Шкультеты. В книге «125 лет словацкой жизни» (Турчанский св. Мартин, 1920) он интерпретировал большинство тенденциозно искаженных фактов в правильном направлении. В «защитном» энтузиазме Шкультеты поддерживал, главным образом, Штефан Крчмери. К нему присоединились и другие словацкие интеллектуалы – историки, лингвисты, литературоведы, философы и т. д. (К. Голань, Д. Рапант, Ш. Буйнак, А. Мраз, Л. Новак и др.) На стороне защитников штуровских традиций оказалось большинство словацкой интеллигенции, невзирая на различия в ее культурной, конфессиональной или политической ориентации. Годжу поддерживали только словацкие «чехословакисты» (сторонники предвоенных оппозиционных журналов «Глас» и «Пруды»), чешские ученые, преподававшие в Университете им. Я.А. Коменского в Братиславе (А. Пражак и В. Халопецкий), а также ряд других представителей чешской культуры.

В интеллектуальной жизни Словакии 1920-х годов разгорались принципиальные дискуссии о наследии Л. Штура, которые нашли продолжение и в 1930-е годы, несмотря на то, что в этот период на первый план выдвигались и другие «защитные» культурно-политические инициативы словаков (например, борьба за новые правила правописания словацкого языка, споры между Матицей словацкой и чешскими лингвистами и пр.) Дискуссии о словацкой идентичности в это время уже вышли за рамки культуры и стали предметом обсуждения словацких политиков. В атмосфере нарастания негативных веяний в политике (усиление авторитарных и профашистских тенденций) многие вопросы, касающиеся национальной идентичности и историко-культурных традиций, не могли быть объективно продискутированы и остались открытыми. Критическое отношение прочехословацки настроенных деятелей к наследию Л. Штура, не изменялось вплоть до распада Первой Чехословацкой республики.

Средоточием споров об идейном наследии Л. Штура стал языковой вопрос. Однако полемика приобрела более широкий исторический, культурный и политический резонанс, касаясь оценки его роли в революции 1848–1849 гг., отношения Штура к России и всей оценки словацкого русофильства. А. Пражак, например, утверждал, что «славянская идентичность» словаков является одной из причин отличия их менталитета от чехов. С чешской стороны раздавались голоса, упрекавшие словаков в том, что они не могут ясно определить свою идентичность (самобытность).

Процесс национальной дифференциации словаков протекал с конца XVIII в. преимущественно в словацко-венгерских реалиях, но представления о различиях словацкого и чешского этноса распространялись в середине XIX в., в период кодификации литературного словацкого языка, и в конце этого столетия, в рамках споров «гласистов» и «мартинских» политиков.

В статье «Взгляды и виды на будущее» (1881) известный словацкий писатель и общественный деятель Светозар Гурбан-Ваянский сформулировал свое представление о словацкой национальной идентичности в трех принципах. «Особость» словаков, по его мнению, основывается на *индивидуальности словацкого народа, выражается в его духовном, отчетливо выкристаллизованном мире и в праве на существование*. Из этой дефиниции Шкультеты исходил в полемике с защитниками точки зрения, что словаки являются частью чехословацкого народа, а словацкий язык и культура имеют лишь региональное значение. Концепция словацкой «самобытности», самостоятельного словацкого литературного языка и особой словацкой культуры защищалась словаками и в 1920-е годы. Poleмика продолжалась в 1930-х годах и во время Второй мировой войны (1940-е годы). Тогда профессор Д. Рапант в своей полемической статье опроверг крылатое выражение М. Годжи *politicum hungaricum*. Он допускал, что деятельность Штура мотивировалась политическими соображениями (что было совершенно естественно на данном этапе словацкого национального движения), но назвал ее *politicum slovacicum*. Рапант в определенном смысле дал обобщенное представление об отношении словацкой национальной интеллигенции к Штуру и словацкой истории в противовес «чехословакистам». Тот факт, что полемика о «штуровской традиции» проходила и после Второй мировой войны (1968, 1989) и продолжается по сей день, свидетельствует о том, что Годжа невольно коснулся болезненного нерва словацкой исторической памяти.

Проблема отношений между чехами и словаками сквозь призму книги Т.Г. Масарика «Россия и Европа»

1. Труд Т.Г. Масарика был подготовлен к 300-летию династии Романовых по заказу немецкого издателя, после окончания Первой мировой войны появился английский его перевод. Интерес к нему был вызван тем, что там определялись принципы взаимоотношений между «малыми народами» (термин Масарика), приобретавшими государственную самостоятельность, которую уже имели «большие народы».

2. Масарик предвидел, что решающим в судьбах чехов и словаков будет их существование между преобразующейся Россией, которая никак не останется теократической, и потрясенной кризисами (Западной) Европой. При этом большую роль сыграет их взаимное притяжение как одно из наиболее убеждающих проявлений «славянской взаимности».

3. Проблема такой взаимности обсуждалась и до написания «России и Европы», а полусловаку Масарику в том, что она будет решаться без ущерба интересов словаков как части «чехословацкого народа» (его термин), верили (например, М.Р. Штефаник). В связи со сказанным вряд ли стоит сомневаться, что сравнительно небольшое «пространство», на котором обсуждается словацкий вопрос в «России и Европе», не является признаком невнимания к нему: главное, не сколько говорится, а что говорится.

4. Масарик зафиксировал, что классиками славянофильства и мощными ретрансляторами этой идеи в Россию являются словаки, испытывавшие сильное влияние чехизма: Я. Коллар, П. Шафарик и в меньшей мере Л. Штур. Их подвижничество в деле славянофильства и славистики другими учеными оценивалось высоко, но вопрос о национальной идентичности этих мыслителей отходил не задний план. К примеру, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» Шафарик аттестовался как «знаменитый чешский ученый» (Т. 77. С. 212), а Коллар – как «чешско-славянский поэт», причем «родом венгерский поляк» (Т. 30. С. 689). И то, что оба они идентифицировались Масариком как именно словаки, играет весьма важную роль.

5. В заключение остается привести еще одну цитату из Масарика из русскоязычного издания «России и Европы», которая взята из украиноязычного сборника в честь 75-летия президента Чехословакии: «Я настолько славянофил, что допускаю вместе с Гавличком, что в Словакии проживает наиболее чистая часть нашего чехословацкого народа. В Чехии же, по всему вероятно, его голова, но здоровый организм должен иметь и голову, и сердце, а поэтому я думаю, что между нами не может

быть никаких споров. Те же споры, которые касались языка, уже разрешены».

б. Даже учитывая то, что многие словаки не считали себя частью названного Масариком народа, можно утверждать, что проблема единения чехов и словаков во многом решается им с учетом неизбежности будущих преобразований в России. Такое видение судеб этих народов значимо и до настоящего времени, когда Россия прошла через второй в XX веке круг фундаментальных преобразований и по-новому взаимодействует с ними. Полное отрицание значимости подобного взаимодействия, в большей мере присущее чехам, становится некой аномалией, недопустимость которой видна в ходе современных интерпретаций написанной почти сто лет тому назад книги Масарика.

Ю.В. Богданов (Москва)

Словакия в публицистике Ильи Эренбурга

1. 1920-е годы, а именно в конце двадцатых годов состоялось знакомство И.Г. Эренбурга со Словакией, – это особый и довольно сложный период в биографии и творчестве писателя. В 1921 г. с советским паспортом в кармане он вместе с женой, художницей Л. Козинцевой, выезжает на Запад и годами живет сначала в Берлине, затем в основном в Париже, свободно общается с многочисленной и разномастной русской эмиграцией, путешествует по странам Европы, изредка наезжая на родину. Чешский художник А. Гофмейстер не случайно запечатлел его в дружеском шарже сидящем на чемодане.

Однако именно в эти годы, несмотря на внешнюю непоседливость, Эренбург много и интенсивно работает. Он постепенно отходит от поэзии, которой отдал щедрую дань в молодости, и начинает пробовать себя в прозе. И уже первый философско-сатирический роман «Необычайные похождения Хулео Хуренито и его учеников» (1922), изданный сначала в Берлине, а в 1924 г. и в Москве с предисловием Н. Бухарина, переведенный на многие европейские языки, приносит ему широкую международную известность. Всеобъемлющий скепсис и ирония, пронизывающие роман, отвечали настроениям повсеместного разочарования в плодах и ценностях цивилизации, навеянным ужасами войны и послевоенной разрухи. Воодушевленный успехом, он практически ежегодно издает книгу за книгой, перемежая художественные произведения эссеистикой и путевыми очерками.

Тексты Эренбурга первоначально печатались по-русски за рубежом и лишь потом, с трудом преодолевая препоны цензуры, на родине

писателя. А некоторые, признанные особенно вредоносными, например: «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (1928), так и не были опубликованы в СССР вплоть до перестроечных времен. Эренбург считал (и чувствовал) себя советским писателем, «но степень его независимости была больше общепринятой. Это раздражало. И литературное начальство и чиновников высшего ранга» (*Рубашкин А.* Илья Оренбург. Путь писателя. Л., 1990. С. 470). К концу 1920-х гг., с отменой НЭПа, границы независимости стали ощутимо снижаться, и писатель не мог не сознавать перемен, происходивших в его стране.

2. Эренбург впервые познакомился со Словакией в конце декабря 1927 г. Он приехал туда на неделю для прочтения лекции о современной советской литературе сразу же после пребывания в Польше с коротким заездом в Прагу. Словацкие писатели встретили его «со всей сердечностью не привыкших лицемерить людей», поразили «задушевностью» неформального общения, искренностью гостеприимства. Эренбург особенно сблизился с Владимиром Клементисом, главным редактором общественно-литературного коммунистического журнала «ДАВ», с талантливым поэтом-«давистом» Ладиславом Новомеским, вместе с которым в его родной Сенице провел рождественскую ночь. Клементис пригласил Эренбурга приехать в Словакию летом, «на подольше», пообещав сопровождать его в поездке по стране. В июле – начале августа 1928 г. это почти полутаромесячное путешествие состоялось, произведя неизгладимое впечатление на писателя. Своими мыслями и наблюдениями он поделился в репортаже «Первая встреча» (о первой короткой поездке) и цикле очерков и размышлений «1928. Словакия» (о второй). Они вошли в его книгу «Виза времени», изданную в конце 1929 г. в Берлине, а в 1931 г. в Москве. Основная часть очерков в 1929 г. была переведена на словацкий язык и опубликована в журнале «ДАВ» под названием «Лето 1928. Словакия» с предисловием Клементиса.

Эренбург (вместе с женой и друзьями – Р.О. Якобсоном и О. Савичем) объехал Словакию, десятки городов и деревень, обнаружив неожиданно для себя «в самом центре Европы» мало кому ведомую страну, «достойную любви и восхищения» с великолепной, почти не затронутой промышленной цивилизацией природой, но главное – «с настоящими живыми людьми, без зависти, без корыстолюбия, без деспотизма – людьми, сохранившими весь жар, всю доверчивость, всю суровость детства». Писатель, радуется, имел в виду обитателей деревень, сердечных, отзывчивых, живущих по законам «честной бедности», унаследованным от отцов и дедов. После откровенной русофобии с которой на каждом шагу Эренбург сталкивался в Польше, его поразила и глубоко тронула традиционная искренняя симпатия словаков к России: «Здесь

слово “русский” открывает все двери и сердца». Эренбург сознавал всю хрупкость «внеевропейского строя словацкой жизни», окруженной со всех сторон миром чистогана и корыстного практицизма, но не мог не «поддаться высокому соблазну: может быть мыслимо детским сердцем взять автомобиль без обязательного его маршрута...?»

3. Эренбург на всю жизнь сохранил эту свою любовь к Словакии. Много раз журналистско-общественная стезя сводила его то с Клементисом, то с Новомеским – в Москве, Словакии, Испании, в Париже и Праге, и всегда это были встречи проверенных, старых друзей. В годы войны, узнав о вспыхнувшем в Словакии антифашистском восстании, Эренбург откликнулся прочувственным очерком «Сестра Словакия» («Красная звезда», 6 сентября 1944 г.): «В сердце Европы сохранился заповедник простых и добрых чувств... Мужество. Верность. И свет с Востока. На войне много превратностей, и не легко дается победа. Но Словакия знает: Россия идет и Россия придет».

Эренбург ни сердцем, ни разумом не мог принять вздорных обвинений в словацком буржуазном национализме, которые были предъявлены Клементису, Новомескому и другим его словацким друзьям в 1950 г. И как только в 1963 г. они были официально реабилитированы (Клементис посмертно), Эренбург в семнадцатой, «словацкой» главе шестой книги воспоминаний «Люди, годы, жизнь» отдал долг светлой памяти Клементиса, «человека большой культуры и большого душевного обаяния».

Одной из последних, вышедших при жизни писателя работ, стало его теплое предисловие к книге избранных стихов Новомеского, изданной в 1966 г. на русском языке в Москве: «Я обнял не только своего старого, доброго друга, но и большого поэта». Это объятие оказалось символическим прощанием со Словакией.

Любица Гарбулёва (Прешов)

К малоизвестным аспектам словацко-русских культурных связей (20–30-е годы XX в.)

Изучение словацко-русских культурных отношений первой половины XX в. принадлежит к темам, которым исследователи уделяли довольно много внимания. Но, несмотря на это, вплоть до начала 1990-х гг. в этих исследованиях не освещалась деятельность послеоктябрьской политической российской эмиграции в Словакии. Эта тема являлась «закрытой» в течение многих десятилетий.

Русские эмигранты, обосновавшиеся на территории межвоенной Словакии, представляли собой лишь малую часть из 2 млн. русских политических эмигрантов, которые оставили Россию после прихода к власти большевиков. В Словакию их привели разные причины. Для некоторых она была лишь перевалочным пунктом на пути в иные европейские страны, для других – в ней имелась возможность получения работы, продолжения учебы, либо иные преимущества.

Русская интеллигенция внесла большой вклад в культурное развитие межвоенной Словакии. Русские специалисты и преподаватели вузов работали с начала 1920-х гг. в словацких высших школах гуманитарного и технического профиля. Среди них можно назвать Е.Ю. Перфецкого, В.А. Погорелова, П.Г. Богатырева, Н.О. Лосского, А.В. Исаченко, М.М. Новикова, Д.Н. Адрусова и др. Часть русской интеллигенции нашла работу в средних школах, театрах, они зарабатывали на жизнь журналистикой или служили чиновниками в министерствах. Среди них можно назвать А.Д. Григорьева, Г. Медвецкого, Г.Н. Гарина-Михайловского, С. Протопопова, А. Акидоса, Б. Хоровича, М. Фромана и др. Каждый из них внес сильный вклад в популяризацию русской культуры в Словакии и в понимание там русской действительности. Одновременно своей интенсивной творческой работой они способствовали развитию словацко-русских культурных контактов. Российские специалисты и преподаватели вузов во время пребывания в Словакии кроме педагогической работы занимались и научными исследованиями. Их результаты они публиковали в виде статей на страницах словацких специальных периодических изданий («Průdu», «Slovenské pohľady», «Bratislava» и др.), либо в форме монографий. Они участвовали в деятельности словацких научных обществ (Ученое общество Шафарика, Словацкое лингвистическое общество), завязывали личные и профессиональные контакты с представителями словацкой культуры (Х. Грегорова, Й. Грегор (Тайовский), Л. Новак, М. Гацек, Р. Клачко).

Деятельность русской эмиграции в Словакии в межвоенный период, представляет собой один из аспектов исследуемой проблематики. Другой – составляют контакты словацкой интеллигенции с русской эмиграцией, жившей в Праге и других европейских городах. Сохранившаяся корреспонденция В.А. Францева, Р.О. Якобсона, Г.Н. Ареева, К.А. Чхеидзе, В.М. Краснова, М. Сукенникова, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого с представителями словацкой науки и культуры свидетельствует о развитии и содержательности их личных и профессиональных контактов.

Частью рассматриваемой темы является также изучение словацких переводов русских эмигрантских писателей, материалов выставок русских художников, информации о выступлениях музыкантов, танцоров, актеров,

живших в Словакии, которые также оставили свой след в выше перечисленных творческих областях.

Русская интеллигенция, работавшая в Словакии, способствовала пропаганде русской культуры, а результатами своей научной и творческой работы содействовала возникновению и формированию некоторых научных дисциплин в Словакии.

Деятельность русской интеллигенции на территории Словакии и ее сотрудничество с представителями словацкой науки и культуры представляет собой не слишком известный и мало исследованный аспект взаимных словацко-русских связей межвоенного периода.

М. Барновский (*Братислава*)

Проблемы национальной идентичности русинов-украинцев в Словакии в XX в.

Двойное обозначение русины-украинцы отражает единство, но вместе с тем нынешнюю биполярность данного этноса. И в XX веке, и во время создания Чехословацкой республики (ЧСР), куда названный этнос в 1919 г. вошел, не имея решения главных для себя вопросов этногенеза, языка, коллективной идентичности и названия. В этом плане русинское национальное возрождение не выполнило своей миссии. Термин «рус» – «русин» либо «русняк» (на латинском – Ruthen) первоначально использовался для обозначения всех восточных славян, проживавших в Киевской Руси, а после ее распада – в Галицкой и Волынской Руси. Позднее так обозначалось население восточных областей польско-литовского королевства, то есть предки современных украинцев и белорусов, а в Венгерском королевстве – восточнославянское население под Карпатами. Для обозначения жителей Московской Руси использовался этноним «москвиты», «москали», а после возникновения Российской империи – русские (Rusy). Поскольку прилагательное от слов «рус» и «русин» было одинаковым – русский, во второй половине XIX в. на территории Украины прижился этноним украинец, который со временем восприняли и русины Галиции. В Венгрии наименование русины сохранилось вплоть до падения Австро-Венгерской империи, а затем его позаимствовали и чехословацкие (позднее словацкие) административные органы, тем самым он сохранился вплоть до 1945 г.

Из сказанного следует, что термин русин с этнической и национальной точек зрения не был однозначным. Помимо прочего он использовался для обозначения верующих византийского обряда: как православных, так и греко-католиков. Национальные «будители» придержива-

лись той точки зрения, что Русины являются особой национальной единицей или ветвью «великого русского народа». В качестве литературного языка они предлагали в первую очередь так наз. язычие – смесь церковно-славянского языка, использовавшегося в богослужениях, и местного наречия; со второй половины 50-х годов XIX века возникла ориентация на русский язык.

В последнее десятилетие накануне падения Австро-Венгерской империи национально-культурная жизнь русинов-украинцев на территории современной Словакии в результате проводившейся жесткой мадьяризации находилась на грани исчезновения. Здесь не было ни одной средней школы, имелось лишь несколько начальных школ с родным языком. Греко-католическая церковная иерархия и многие священники поддерживали проводившуюся Венгрией политику ассимиляции, а немногочисленная светская интеллигенция была полностью мадьяризирована. Положение начало меняться после возникновения ЧСР в 1918 году. Ее преимущественно славянский характер и демократический режим сделали возможным национальный и культурный ренессанс русинов-украинцев, но их развитие как национальной единицы не приобрело четкой ориентации. В межвоенный период сформировалось три основных течения национальной идентичности русинов. Великорусское течение основывалось на тезисе о великом русском народе, составной частью которого являются и русины – так же как малороссы (украинцы) и белорусы. Оно основывалось на авторитете народных «будителей», его поддерживали русские эмигранты и некоторые политические партии, в первую очередь, Русская народная партия. Украинским течением русины в Подкарпатской Руси и в Словакии трактовались в качестве составной части украинского народа. Из политических партий, которые развивали свою деятельность и в Словакии, эту идею проповедовали, прежде всего, Христианская народная партия во главе с А. Волошиным, Социал-демократическая партия Подкарпатской Руси, а с середины 20-х годов XX века и коммунисты. Украинское течение поддерживала многочисленная украинская эмиграция в Чехословакии. В Подкарпатской Руси его влияние было достаточно сильным, но в восточной Словакии – незначительным. Самой распространенной национальной и культурной ориентацией на этой территории являлось русинское течение. Его представляли в первую очередь греко-католические священники, многие учителя и прешовский филиал Общества Духновича (Общество Александра Духновича). Приверженцы этого течения подчеркивали особый характер русинов и их традиции, которые отличают их от традиций как русских, так и украинцев. Главной чертой их национального сознания являлась принад-

лежность к греко-католической церкви. Многие связывали именно это вероисповедание с национальной идентичностью.

В данной связи следует отметить, что идентичность русинов долгое время не являлась предметом научных разработок, по крайней мере, с точки зрения лингвистики. Но уже в XVIII веке многие «будители» (П.Й. Шафарик, Л. Штур и др.) пришли к выводу, что язык русинов к югу от Карпат является украинским диалектом. Такое же заключение сделала и Чешская академия наук в декабре 1919 г. Следовательно, это была проблема национального чувствования (*citenia*) и сознания при отсутствии выкристаллизовавшейся национальной идеологии.

Русинов-украинцев в ЧСР в межвоенный период разделяла административная граница между Подкарпатской Русью и Словакией, что проявлялось и в различиях положения словацких и подкарпатских русинов-украинцев. Если русины-украинцы в Подкарпатской Руси были в сущности государствообразующим народом с закрепленным в конституции правом на автономию (осенью 1938 г. они получили ее в полном объеме), то в Восточной Словакии они находились в положении меньшинства и конституция гарантировала им лишь соответствующие права. Подобного рода разделение русинов-украинцев не мешало им поддерживать взаимные контакты, тем не менее, это приводило к напряженности между русинами и словаками. Иными словами, политические деятели русинов-украинцев требовали перенесения русино-словацкой границы на запад вплоть до реки Попрад, что вызывало беспокойство у словаков. Дальнейшее политическое развитие разделило судьбы двух частей южно-карпатских русинов-украинцев. Карпатскую Украину (ранее Подкарпатская Русь) в марте 1939 г. оккупировала хортистская Венгрия, а после освобождения ее присоединили к советской Украине. Руси́ны-украинцы Восточной Словакии пережили Вторую мировую войну в рамках Словацкой республики, являвшейся сателлитом гитлеровской Германии, а после возрождения ЧСР в 1945 г. снова стали ее составной частью. Все это оказало влияние на их этногенез и национальное сознание.

В годы войны (1939–1945) политика правительства Словацкого государства по отношению к русинам отличалась открытой дискриминационной и ассимиляционной направленностью, что вело к появлению оппозиционных настроений в русинском обществе, которые постепенно перерастали в сопротивление нацизму и тоталитарному режиму. После присоединения бывшей Подкарпатской Руси к Советской Украине в 1945 г. национальный вопрос на этой территории был решен следующим образом: русинов – независимо от их приверженности тому или иному национально-культурному течению – провозгласили украинцами, а украинский язык стал языком обучения во всех видах школ. Учитывая, что

русины-украинцы в восточной Словакии относились к одному и тому же этносу, местные власти также проводили здесь украинскую ориентацию, а слово русин почти исчезло из публичного лексикона. Все же правительство до введения коммунистической монополии на власть действовало осторожно. В 1945 г. создается Украинская народная рада Пряшевщины как национальный представительный орган, а при Ведомстве образования учрежден Отдел украинских школ. Все же обучение в школах велось на русском языке или местном диалекте, а молодежь воспитывалась в русском духе. Лишь в начале 1950-х годов государственные органы предприняли попытку решить и эту проблему радикально. Стала проводиться украинизация школ без надлежащей подготовки и при большой нехватке учителей, владевших украинским языком. В апреле 1950 г. была ликвидирована греко-католическая церковь – опорный столп части русинства. Несмотря на вложение немалых средств, на расширение украинской культуры и просвещения, а также определенные позитивные успехи в данной сфере, именно в период коммунистического режима процесс ассимиляции усилился, фактически шел процесс словакизации русинов-украинцев. Так, в 1930 г. в Словакии насчитывалось 91 079 чел. (2,9% общего числа населения Словакии) русинов, русских и украинцев, в 1950 г. соответственно 48 231 чел. (1,4%), при переписи населения в 1991 г. их количество достигало уже лишь 32 408 чел. (0,57%). Причины подобного явления нуждаются в специальном анализе, тем более, что существуют различные виды ассимиляции. После 1989 г. сохранившие украинскую идентичность граждане разделились на два направления – русинское и украинское. Одновременно возникли две соответствующие организации – Русинское возрождение и Союз русинов-украинцев. В 1995 г. проведена кодификация русинского языка. Словацкое правительство признало два эти направления самостоятельными национальностями, хотя в действительности речь идет об одной национальности с единой историей и культурой. Согласно данным последней переписи населения (2001 г.), к русинской национальности причисляют себя 24 201 чел., а к украинской – 10 814 чел.

М. Дронов (Москва)

Этнонациональная идентичность греко-католиков и православных Восточной Словакии в межвоенный период

Вопрос об этнонациональной принадлежности восточно-христианского населения на территории современной Восточной Словакии является актуальным как минимум начиная с середины XIX в. и непосредственно вплоть до наших дней. Проблематика идентичности этого населения в период между двумя мировыми войнами, несмотря на сравнительную известность, по нашему мнению, не принадлежит к числу полностью раскрытых в историографии. Хотя именно в указанный период, в условиях нового чехословацкого государства, процессы формирования этнонациональной идентичности греко-католиков и православных вступили в более активную фазу, чему способствовало увеличение плюрализма, а также более активное по сравнению с предыдущими десятилетиями участие в данных процессах светских общественно-политических сил.

С церковно-исторической точки зрения речь идет о большинстве приходов Пряшевской и значительной части Мукачевской греко-католических епархий, а также о небольшом количестве православных общин, состоявших из недавних греко-католиков.

Как известно, восточное христианство в Карпатском регионе традиционно ассоциировалось с понятием «русская вера». Его адепты вне зависимости от языка были известны как «руснаки», что, видимо, было одновременно и экзо- и эндоконфессионалом.

Намного сложнее был и остается вопрос актуальной этнической принадлежности и этногенеза разных групп «руснаков», с часто полярно противоположных точек зрения рассматриваемый в исторической и филологической литературе уже более столетия. Основываясь на языковых данных (по состоянию на начало XX в.), значительную (и вероятно, подавляющую) часть можно отождествить с карпатскими русинами, т. е. с восточными славянами. Намного сложнее поддавалась точному определению этническая принадлежность тех «руснаков», чья речь с большей или меньшей степенью однозначности классифицировалась как словацкая диалектная. В некоторых «руснацких» селах господствовал венгерский язык.

В целом, территория Восточной Словакии являлась периферийной для большинства национальных проектов. Чуть ли не до середины XX ст. у части греко-католического духовенства находил поддержку (чаще тайную) проект венгерской нации. Выходцы из «руснацких» сел, где, однако, использовалось восточно-словацкое наречие, теоретически имели

возможность признать себя также словаками. Носители русинских диалектов могли стать венграми, а могли быть и русинами – причем их русинство могло выразиться в русской (общевосточно-славянской), украинской (этнографически общемалорусской) или собственно русинской (карпаторусской, максимально локальной карпатской) формах. Нередко встречались и переходные варианты. Отметим, что данные восточнославянские проекты были открыты и для нерусинскоязычных греко-католиков при признании последними своего русинского происхождения и позднейшей ассимиляции. Многими русинскими деятелями отрицалась сама возможность существования «чистых» словаков и венгров греко-католического вероисповедания, за исключением перешедших из других конфессий. Словацкие и чешские деятели, наоборот, нередко рассматривали словакизированные восточнославянские (т.е. русинские) диалекты как диалекты словацкого (или чехословацкого) языка, что не исключало возможности принятия отдельными носителями русинской речи словацкой (чехословацкой) идентичности. Следовательно, можно утверждать, что гипотетически для весьма не однородных «руснаков» при желании была возможность присоединиться как к венгерскому, так словацкому или восточнославянским проектам.

На практике среди греко-католической интеллигенции были представлены все ориентации, хотя, естественно, совсем не равномерно. Официальный курс епархий, искренне или неискренне разделявшийся большинством священников, был по названию «русский», но находился где-то между русской и русинской ориентацией, приближаясь скорее к последней. Несомненно, что в греко-католической среде находились также сторонники русскости в чистом виде, некритично принимавшие за эталон все великорусское, как и отдельные предвестники современного русинства. Украинская ориентация была поддерживаема в период управления Пряшевской епархии Дионисием Няради, однако, кроме небольшой группы интеллигенции приверженцев не нашла. Словаки греко-католики начали активнее давать о себе знать в течение 1930 гг., находясь в оппозиции к ориентации церковного начальства. Вплоть до создания Словацкой Республики в 1939 г. национально мыслящие словацкие греко-католические деятели являлись весьма малочисленными. Части интеллигенции, в первую очередь, духовенства, были присущи мадяронские взгляды.

В православной среде, напротив, распространилась исключительно русская ориентация. Однозначность национальной политики усиливала непосредственная связь с российской эмиграцией.

Методологической сложностью является разграничение идеологий, классификация которых, строго говоря, во многом является продук-

том интеллектуальной деятельности исследователей и часто лишь частично отражает сложные перипетии человеческого сознания. Также надо учитывать и то, что носители различных идентичностей (например, тайные сторонники венгерской нации) далеко не равномерно участвовали в общественной жизни Восточной Словакии, а соответственно оставили несопоставимое количество источников для изучения. Нельзя отрицать и возможность генезиса, эволюции взглядов того или иного деятеля. К тому же ситуацию осложняет распространенность амбивалентной этничности, столь характерной для этнически смешанных территорий.

Все сказанное относится, прежде всего, к сравнительно малочисленной интеллигенции, костяк которой по традиции образовывали тесно переплетенные духовенство и учительство. Сложнее говорить о представлениях широких масс, самосознание которых во многом зависело от ориентации приходского священника и сельского учителя, но, вероятно, с большим уклоном в сторону донациональных представлений. По понятным причинам, взгляды простых людей зафиксированы в значительно меньшем объеме и, как часто можно предполагать, с упрощениями. Поэтому ценнейшие сведения содержат для нас, например, полевые наблюдения чешского этнографа Яна Гусека, собранные в его капитальном труде «Этнографическая граница между словаками и карпатороссами» (1925). Данная работа наглядно показывает сложность и запутанность в тогдашних этнических представлениях сельских жителей Восточной Словакии.

Несмотря на то, что во многом проблематика этнонациональной идентичности верующих обеих восточно-христианских конфессий уходит корнями в перипетии этнической истории Карпатского региона, первичное значение в ее более глубоком понимании играет, на наш взгляд, дальнейшее детальное изучение этнополитических механизмов межвоенного периода.

В.В. Марьина (Москва)

Словакия и словацкие политики глазами советских дипломатов в 1939–1941 гг.

14–15 марта 1939 г. усилиями Гитлера была расчленена Вторая республика Чехо-Словакия: её западная часть – Чехия и Моравия – под названием Протекторат Богемия и Моравия вошла в состав Третьего рейха, Словакия якобы добровольно стала формально независимым государством, Подкарпатскую Русь с согласия Берлина оккупировала Венгрия. Советский Союз в своей ноте от 18 марта 1939 г. выразил решительный протест против очередного агрессивного акта и вероломной политики

нацистской Германии. Москва оставила без ответа ноту словацкого правительства, извещавшую о создании нового государства и содержащую просьбу о его признании де-юре. Однако де-факто СССР вынужден был считаться с положением дел. Хотя в Москве до декабря 1939 г. сохранялось возглавляемое З. Фирлингером чехо-словацкое полпредство, но его деятельность носила преимущественно символический, формальный характер. Резкое изменение советского внешнеполитического курса после заключения пакта Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г. повлекло за собой и изменение политики Москвы в отношении Словакии: в сентябре 1939 г. СССР признал её де-юре, хотя официального сообщения об этом советских властей не последовало. Инициатива в установлении дипломатических отношений исходила от словаков, но «благословление» в этом они получили от Берлина¹. В декабре 1939 г. в Москву прибыл словацкий посланник Франьо Тисо, близкий родственник словацкого президента Йозефа Тисо. В феврале 1940 г. в Братиславе начал свою деятельность советский полпред Георгий Максимович Пушкин (1909–1963), молодой эрудированный дипломат, чьи информационные сообщения, справки, характеристики, направляемые в НКВД СССР, отличались аналитичностью и собственным взглядом на многие вещи, хотя, естественно, не выходили и не могли выходить за рамки, определяемые советским внешнеполитическим курсом. Пушкину, как следует из подписанных им материалов, была свойственна скрупулезность и селективность в отборе важных сведений, касавшихся отношений Словакии и СССР. Он встречался со многими словацкими политическими деятелями и аккредитованными в Братиславе дипломатами, доводя их мнения о словаках и Словакии до сведения НКВД. Следует отметить, что деятельность Г.М. Пушкина на посту полпреда СССР в Словакии в 1940–1941 гг. не нашла никакого отражения в советском «Дипломатическом словаре» выпуска 1986 г. Еще и тогда предпочитали молчать о том, что СССР установил и поддерживал дипломатические отношения с «клеро-фашистской» (по терминологии того времени) Словакией. В 1937–1942 гг., – значилось в словаре, – Г.М. Пушкин находился «на ответственной работе в центральном аппарате НКВД СССР»².

Следить за событиями в Словакии во второй половине 1939 г. НКВД поручил советскому Генконсулу в Праге В.П. Яковлеву. Несмотря на ограниченные возможности, он все же сообщал в Москву некоторые сведения о положении дел в Словакии и ее политических деятелях. Материалы касались в основном президента СР Й. Тисо и министра иностранных дел Ф. Дюрчанского.

НКВД располагал и характеристиками на начавшего свою деятельность в Москве в декабре 1939 г. словацкого посланника Ф. Тисо.

2 февраля 1940 г. в Братиславу прибыл Г.М. Пушкин, вручивший верительные грамоты президенту 14 февраля. В Дневнике и информационных письмах в НКВД советский полпред записывал впечатления о встречах и беседах с различными политическими деятелями Словакии, давал им характеристики. По мере необходимости они уточнялись и корректировались Пушкиным. Более всего внимания в этих материалах уделялось Й. Тисо, произведшему на Пушкина «впечатление весьма умного и хитрого попа, способного прикидываться простым и доверчивым собеседником»³, и министру иностранных дел Ф. Дюрчанскому, с которым у советского полпреда установились довольно дружественные отношения. Дюрчанский, по мнению Пушкина, «пользуется в Словакии большим авторитетом. Производит впечатление человека умного, довольно образованного. Не знаю пока, какому богу он служит. Ходят слухи, что немцы его недолюбливают... Мне он жаловался на немцев. Он заявил, что немцы, боясь испортить свои отношения с Италией, не помогли словакам в их споре с Венгрией»⁴. По моим наблюдениям, писал Пушкин, «Дюрчанский проводит довольно сдержанную политику. Он боится чем-либо напугать немцев, но в то же время не позволяет им чересчур распоясываться»⁵. Свою оценку позиции Дюрчанского и прочих словацких политических деятелей Пушкин подкреплял и мнением о них других людей, в том числе и аккредитованных в Братиславе дипломатов.

Немцы, опасаясь усиления советского влияния в Словакии, стремились укрепить занятые ими здесь позиции, тем более в преддверии своего броска в Юго-Восточную Европу, последовавшего вслед за поражением Франции. «Окно на Балканы» – так они определяли роль Словакии в своих геополитических конструкциях. Давление на словацкую верхушку было усилено. После приема у Тисо 26 июня 1940 г. Пушкин записал: «Впервые я заметил, что словацкие министры всячески избегали остаться наедине со мной. Особенно это относится к Дюрчанскому, который раньше всегда охотно беседовал со мной и при этом всегда был инициатором. Боязнь немцев чувствуется особенно теперь. Немцы держатся развязно и нагло»⁶. «Словацкие политики теперь терпеливо ожидают решений, которые продиктует им Берлин»⁷, – заканчивает Пушкин информационное письмо в НКВД от 14 июля 1940 г.

По приказу Берлина в августе Дюрчанский был смещен со своих постов. Портфели министров иностранных и внутренних дел перешли соответственно к В. Туке и А. Маху, которые взялись за насаждение в Словакии национал-социалистской идеологии. Тисо, в принципе, не возражал, но пытался облечь ее в «словацкие одежды» и, по возможности, противодействовать фаворитам Гитлера. Характеристике и поведению этих словацких деятелей, потворствующих превращению Словакии по

воле третьего рейха в «военный лагерь», Пушкин уделял основное внимание во второй половине 1940 г. Будучи заинтересована лишь в развитии советско-словацких экономических отношений, Братислава под нажимом Берлина все более ограничивала все остальные аспекты этих отношений. Торговый договор между СССР и Словакией был подписан 6 декабря 1940 г.

В начале 1941 г., после годичного пребывания на посту советского полпреда, Пушкин представил подробные характеристики на многих видных словацких политических деятелей: Й. Тисо, Ф. Дюрчанского, Ф. Чатлоша, М. Пружинского, В. Туку и др. О словацком президенте Пушкин писал: «Тисо, несомненно, является самой крупной политической фигурой нынешней Словакии. Из всех здешних буржуазных политиков он пользуется наибольшей популярностью в народе. Этому способствуют и личные качества Тисо: он скромнен, прост и общителен. Часто выезжает в села страны, где исполняет службу в костелах. В условиях отсталой, сельскохозяйственной, фанатически религиозной Словакии это имеет серьезное значение... С самого начала возникновения самостоятельной Словакии Тисо должен был противодействовать немцам, если он сколько-нибудь дорожил своей популярностью и своим авторитетом в стране. Так он и поступал. Правда, эта политика противодействия была трусливой: Тисо давал отпор немцам по мелочам, соглашаясь с ними по принципиальным вопросам. Значительно дальше в этом деле шел Дюрчанский, за что и был удален от политической деятельности». Далее Пушкин писал о вражде политических группировок в Словакии: «Разница между этими группировками не особенно резкая... Во всяком случае разницы во внешней политике в позиции этих группировок нет никакой. Некоторую разницу между ними можно отметить в вопросах внутренней политики. Группа Туки–Маха стремится насадить в Словакии национал-социализм в полной его форме. Группа же Тисо, соглашаясь в принципе с этим, все же пытается отстоять те жалкие остатки демократического режима, которые еще имеются в Словакии, например, парламент. Борьбу между этими группировками правильнее рассматривать в свете противоречий германского национал-социализма и католической церкви и в свете личных отношений между Тукой и Тисо»⁸. Относительно Дюрчанского Пушкин писал, что он «является наиболее подготовленным и умным политиком современной Словакии», который, хотя и «не допускал в отношении Советского Союза никаких выпадов в своих речах и статьях, бесспорно, является противником СССР»⁹. Обстоятельно Пушкин характеризовал и В. Туку, считая его отъявленным карьеристом и беспринципным политиком, который «совершенно не пользуется доверием и авторитетом в Словакии», а также ярим врагом Советского Союза¹⁰.

В первой половине 1941 г. Словакия, по словам Пушкина, представляла для СССР «наблюдательный пункт» за «всеми приготовлениями немцев и за их работой на Балканах»¹¹. Однако, несмотря на многочисленные свидетельства близкого нападения Германии на СССР, советский полпред не верил в возможность этого. 22 июня Германия начала войну против СССР. 23 июня объявила войну Советскому Союзу и Словакия, которая следовала в фарватере гитлеровской Германии вплоть до мая 1945 г.

Примечания

- ¹ Подробнее о советско-словацких отношениях в 1939–1941 гг., о месте Словакии в политике СССР и Германии см.: *Marjinová V.* «Brána na Balkán». Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Německa v letech 1939–1941 // *Soudobé dějiny (Прага)*. 1994. № 6. S. 827–846; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* М., 1999. С. 198–240; *Марьина В.В.* «Ворота на Балканы». Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 // *Война и политика. 1939–1941*. М., 1999. С. 272–489.
- ² *Дипломатический словарь*. М., 1986. Т. 2. С. 437. В 1944–1948 гг. Г.М. Пушкин являлся политическим советником Союзной Контрольной Комиссии, затем посланником СССР, а в 1948–1949 гг. послом СССР в Венгрии; в 1949–1952 гг. он возглавлял советскую дипломатическую миссию в ГДР, а в 1954–1958 гг. был послом СССР в ГДР; в 1952–1953 гг. и в 1959–1963 гг. являлся заместителем министра иностранных дел СССР.
- ³ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 1–3.
- ⁴ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 8.
- ⁵ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 28–30.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 77.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 7–9.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 57–62.
- ⁹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 79–83.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 71–75.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 156.

С.И. Михальченко (Брянск)

Проблемы белорусской идентичности в раннем творчестве М.В. Довнар-Запольского (по переписке с Е.А. Ляцким)

Жизнь и деятельность историка рубежа XIX–XX вв. М.В. Довнар-Запольского уже неоднократно становилась предметом исследова-

ния. Однако, и в ней остаются малоизученные страницы. Одной из таких страниц является начало научной работы Довнар-Запольского в бытность его гимназистом старших классов и студентом историко-филологического факультета университета св. Владимира. Именно в это время молодой историк поставил вопросы о признаках национальной идентичности белорусов. Помочь детализировать известные ранее лишь в общем факты могут сохранившиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (РО ИРЛИ) письма ученого коллеге и другу Е.А. Ляцкому.

Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942), более известный как литературный критик и исследователь творчества И.А. Гончарова, Н.Г. Чернышевского и других русских писателей XIX в., был одним из основоположников научного изучения белорусской народной культуры. В конце 1880-х – 1900-х годах он предпринял ряд экспедиций по губерниям «Северо-Западного края» (Белоруссии) и собрал значительный по объему этнографический материал, тогда же, в основном, опубликованный¹. Позже Ляцкий отошел от активных занятий белорусоведческой тематикой, однако, периодически интересовался ею, в том числе и после 1917 г., когда оказался в эмиграции в Чехословакии².

Общие характерные черты писем Довнар-Запольского уже отмечались в литературе³. Хронологические рамки писем Ляцкому могут быть определены лишь по косвенным признакам, поскольку Довнар-Запольский большинство из них не датировал. Начало переписки относится примерно к 1888 – началу 1889 г., когда Довнар-Запольский, тогда еще гимназист старших классов и студент историко-филологического факультета университета св. Владимира (1889–1893) начал свои белорусоведческие исследования, параллельно издавая «Календарь Северо-Западного края». Ляцкий был приглашен к участию в Календаре. Издание это было связано с определенными сложностями, так как цензура скептически смотрела на возможность использования белорусского языка в печати – так, вначале не удалось напечатать предоставленные Ляцким сказки на белорусском языке. Довнар-Запольский обещал компенсировать эту неудачу в дальнейшем (Л. 33).

В письмах много говорится о планах историка. Так, 6 марта (1891 г.?) он писал: «Вообще, моя задушевная мечта – делать белорусский журнал; другая цель – народная книга на белорусском языке... нужно добиться: музей, публичная библиотека и ученое общество в Минске. Тогда я могу умереть спокойно. Если бы я умер раньше – мои книги идут читальне Минской библиотеки – это решено давно (у меня 800–900 томов)» (Л. 29). Неоднократно в письмах возникает сюжет о возмож-

ности переезда Довнар-Запольского в Москву, где больше условий для работы, чем в Киеве (переезд состоялся только в 1897 г.).

Письма проливают свет и на научную «кухню» историка. С большими трудностями, например, была связана его работа над статьей о белорусских народных свадьбах, опубликованной отдельной брошюрой в 1888 г.⁴ «На беду себе я занялся свадебными обрядами, – писал он Ляцкому, – в один год я должен был подучить французский, который мало знаю, выучиться с азбуки немецкому и итальянскому, подогнать английский... – и это для одной статьи. Да еще сотни книг перечитать на бусурманских диалектах. Этакое занятие – чересчур большая роскошь для нашего здоровья» (Л. 21). Занятия этнографией не могли не привести Довнар-Запольского к филологическим штудиям. «Пришлось перевернуть немалое количество чисто филологических трудов, – отмечал он. – Познакомившись с ними, я не могу не выразить сожаления, что наша филологическая наука еще далека от признания за белорусским языком каких-либо прав на существование. Встречаешь с огорчением высокомерное отношение, поддерживаемое незнанием, особенно у малорусских ученых... Сколько на этом попроще нам еще предстоит борьбы! Это ведь главная наша цель должна бы быть: доставить общее признание на существование белорусского наречия в его прошлом и настоящем. Это кажется просто – а между тем с такою очевидною истиной не хотят соглашаться» (Л. 13–13 об.). Важны письма и для характеристики исторических воззрений Довнар-Запольского: в одном из писем даны подробные комментарии к концепции книги Довнар-Запольского «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в.» (Киев, 1891) (Л. 4–9).

Несколько писем посвящены проекту белорусского кружка и этнографического сборника по белоруссоведению. Довнар-Запольский послал Ляцкому программу предполагаемой деятельности кружка (Л. 36–37). Цель кружка должна была выражаться «в печатании и распространении книг на белорусском языке или относящихся к белорусской литературе (биографии писателей, их неизданные произведения, переиздание уже изданных)». Ляцкому удалось привлечь в Петербурге только несколько человек и кружок, по сути, не состоялся. Сборник предполагалось издать в 1894 г. в Москве. К участию в нем Довнар-Запольский привлек В.Б. Антоновича, П.В. Голубовского, В.З. Завитневича, А. Лободу, Д.З. Шендрика и др. авторов (Л. 19–20 об.). Однако сборник также не получился. Последние два письма относятся к периоду первой русской революции: в одном из них историк обратился к Ляцкому с предложением написать в соавторстве статью о белорусском национальном движении и (в этом вопросе он не чувствовал себя вполне уверенным) (Л. 2–3), другое письмо включает в себя просьбу о присылке для библиотеки орга-

низованных Довнар-Запольским Высших коммерческих курсов редактируемого Ляцким «Вестника Европы» (Л. 1–1 об.).

Таким образом, письма Довнар-Запольского Ляцкому являются ценным источником для восстановления его научной биографии.

Примечания

- ¹ См. например: *Ляцкий Е.А.* Представления белоруса о нечистой силе // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 7. № 4; *Он же.* Материалы для изучения творчества и быта белорусов. М., 1898. Ч. 1. *Он же.* Материалы по белорусской словесности и языку // Известия Отдела русского языка и словесности АН. СПб., 1904. Т. 9. Кн. 4 и др.
- ² О Ляцком см. подробнее: *Грачева А.М., Матренина М.М.* Ляцкий Е.А. // Русские писатели XIX – начала XX в. Энцикл. М., 1994. Т. 3. С. 445–447; *Постишил И., Зеленка М.* Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого // Славяноведение. 1998. № 4. С. 52–59; *Vinarová M.* J.A. Ljackij. Praha, 1976; *Милинчевић В.* Сарадња Ј.А. Љацког с П. Поповићем и И. Секулић // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. II. С. 10–18 и др.
- ³ См.: *Михальченко С.И.* Неопубликованные письма В.Б. Антоновича и историков его школы в архивах России и Украины // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 282–288.
- ⁴ *Довнар-Запольский М.В.* Белорусская свадьба и свадебные песни. Этнографический этюд. Киев, 1888.

Е.В. Гурко-Кряжина (Москва)

Русскоязычная периодика Словакии 1919–1944 гг. в библиографическом отражении

История русскоязычной периодической печати в Словакии 1919–1944 гг. до сих пор не была предметом специального исследования. Между тем, создание источниковой базы истории «Пряшевской Руси» и русской эмиграции в Словакии не реализуемо без выявления, систематизации и библиографического описания периодических изданий, которые являются своеобразными летописями и хроникой жизни и деятельности русскоязычного населения региона в сравнительно короткий, но яркий и насыщенный исторический период.

Составленная нами впервые библиография всей периодической печати на русском языке, вышедшей в Словакии в 1919–1944 гг., является библиографической реконструкцией истории культурной и общественной жизни карпаторусского населения и русской эмиграции в Слова-

кии в указанный период. Библиография охватывает два комплекса периодики – эмигрантскую и местную прессу, вышедшую на «Пряшевской Руси» (район Прешова на территории Восточной Словакии).

В СССР сколько-нибудь последовательное выявление этих изданий в силу разного ряда причин, прежде всего, идеологического характера, не велось до начала 90-х гг. XX в. В указателях периодики Русского зарубежья, изданных в Германии, Франции, США и других странах, они либо отсутствуют, либо описаны неточно¹. Опубликованные в последние годы в России библиографические справочники имеют большие лакуны и содержат многочисленные неточности в описании данных изданий².

Первое намерение создать в России карпаторусскую библиографию принадлежит выдающемуся русскому ученому, основателю карпатоведения Федору Федоровичу Аристову (1888–1932). На основании собиравшихся на протяжении четверти века материалов ученый составил аннотированную картотеку публикаций (1000 карточек) по вопросам материальной и духовной культуры карпатороссов с 1848 по 1930 гг. Ф.Ф. Аристову удалось опубликовать только одну работу по теме «Карпато-русская библиография: Аннотированная библиотека» (Львов: Станиславский институт, 1930), которая явилась предисловием и введением к задуманной библиографии. Все подготовительные материалы к ней вместе с другими трудами ученого были в 1931 г. конфискованы органами НКВД и уничтожены. После смерти ученого работы в данном направлении в СССР прекратились.

Примерно в это же время за пределами России было предпринято несколько попыток зафиксировать данные периодические издания. В 1936 г. глава Союза подкарпатских журналистов Иосиф Каминский опубликовал статью³, в которой кратко (и неполно) перечислена карпаторусская периодика и ее издатели. В 1940 г. руководитель Украинского исторического кабинета в Праге Аркадий Животко издал библиографию прессы Карпатской Украины 1919–1938 гг.⁴, где среди изданий на украинском, чешском, словацком, венгерском языках кратко описаны и русскоязычные издания (также неполно). В 1943 г. в Унгваре (Ужгороде) Подкарпатским Обществом Наук (ПОН) была издана «Загальна бібліографія Подкарпаття», составленная ученым секретарем ПОН Николаем Лелекачем и директором ПОН Иваном Гарайдой, включавшая литературу с конца XVIII в. до 1943 г. Несмотря на неоспоримые достоинства этой библиографии как первого издания подобного рода, указатель содержит пропуски и неточности, в том числе в описании периодики на русском языке. В конце 1960-х гг. Матица словацкая в Мартине (Словакия) выпустила в свет два тома фундаментального ретроспективного библиографического указателя периодики, вышедшей в Словакии в

1919–1944 гг.⁵, где в описании на латинице также неполно отражена и русскоязычная периодика.

История русской эмиграции в Словакии в 1920–1930-е гг. становится предметом изучения лишь с середины 1990-х гг., после снятия идеологических запретов в исследовании этой темы, результатом чего явились две монографии исследовательницы из Прешова Л. Гарбулёвой⁶. Первая книга посвящена истории создания и деятельности в 1923–1944 гг. Русской православной миссии и ее церковной типографии в селе Ладомирова на северо-востоке Словакии, ставшей не только духовным центром русской эмиграции в Словакии, но и всей Русской зарубежной церкви в Европе, и распространявшей русское печатное православное слово по всему Русскому зарубежью. В книге дается краткая характеристика печатных изданий Миссии, в том числе периодических изданий. Вторая монография Гарбулёвой является обобщающим исследованием, посвященным жизни и деятельности русских эмигрантов в Словакии между двумя войнами, где, в том числе, отмечено издание эмигрантской периодики.

В 1996 г. в Праге вышла в свет трехтомная ретроспективная библиография, учитывающая труды русской, украинской и белорусской эмиграции «первой волны», в том числе, и эмигрантскую периодическую печать⁷, но и она, к сожалению, не свободна от неточностей и лакун.

Можно констатировать, что русскоязычная периодика Словакии до сих пор остается слабо изученной областью многообразной культурной деятельности этого региона. Небольшие тиражи изданий, непериодичность или кратковременность их выхода, частое изменение названий, перемены в составе редакционных и издательских коллегий – все эти черты публикационной практики указанной периодики представляют большую сложность для исследователей. Между тем, за всю историю периодической печати данного региона именно в период с 1919 по 1944 гг. выходило наибольшее количество русскоязычных изданий (в составленной нами картотеке учтено 46 изданий, из них 18 – эмигрантских и 28 – выходивших в Восточной Словакии).

Выявленная нами русскоязычная периодика Словакии подразделяется на следующие группы:

Эмигрантская:

1) военные и казачьи издания (информации Правления Галлиполийского землячества в Братиславе, с 1939 г. – Общества Галлиполийцев в Словакии (1935–194?, 4 назв.) и издания группы Вольного казачества (1935–1939, 4 назв.);

2) православная периодика, издаваемая Русской православной миссией и печатающаяся в ее церковной типографии в Ладомировой на северо-востоке Словакии (1924–1944, 7 назв.);

3) литературно-художественные издания (1923–1925, 2 назв.);

4) профессиональные издания (Бюллетень Союза русских инженеров и техников в Словакии (1934–1937, 1 назв.).

Местная пресса «Пряшевской Руси» (территория Восточной Словакии):

1) общественно-политические издания (газеты русских политических партий в Словакии (1919–1944, 12 назв.) и журнал Центрального Правления Общества Духновича (1938?–1939?, 1 назв.);

2) греко-католическая периодика, издаваемая Пряшевской Греко-католической епархией (1919–1943, 8 назв.);

3) педагогические издания («Русская Школа» – официальный орган Союза русских учителей на Словакии (1926–1936, 1 назв.);

4) студенческие, молодежные издания (журналы Общества русских студентов «Добрянский» в Братиславе (1939–1943, 3 назв.), журналы учащихся семинарий в Прешове (1920–1921, 1939, 2 назв.), журнал для школьников (1940–1944, 1 назв.).

Кроме того, выявлена планируемая, но не изданная периодика (1939, 1942, 4 назв.).

Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить директора Государственной научной библиотеки в Банской Быстрице пани Ольгу Лаукову, которая вот уже третий год в личном порядке помогает составителю в розыске необходимых материалов в библиотеках Словакии.

Примечания

¹ См., например: Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. Мюнхен, 1953; *Ossorguinne-Bakounnine T. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855–1940. Paris, 1976; Shatoff M. Half a century of Russian serials. 1917–1968: Cumulative index of serials published outside the USSR. N.Y., 1971–1972. 4 vols.* и другие указатели.

² См., например: Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / Сост. А.И. Бардеев и др. М., 1999 (отражены лишь 34 из 149 выявленных мной изданий).

³ *Каминский И.* Карпаторусская журналистика после 1919 года // Подкарпатская Русь за годы 1919–1936. Ужгород, 1936. С. 137–139.

⁴ *Животко А.* Преса Карпатської України // *Животко А.* Десять років українського історичного кабінету (1930–1940). Прага, 1940. С. 51–70.

- ⁵ Bibliografia slovenských a inorečových novín a časopisov z rokov 1919–1938 / Zost. M. Kipsová a kol. Martin, 1969; *Fedor M.* Bibliografia periodik na Slovensku v rokoch 1939–1944. Martin, 1969.
- ⁶ *Harbuľová L.* Ladomirovské reminescencie: Z dejin ruskej pravoslávnej misie v Ladomirovej 1923–1944. Prešov, 2000; *Harbuľová L.* Ruská emigrácia a Slovensko: (Pôsobenie ruskej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2000.
- ⁷ Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigracie vydané v Československu 1918–1945 – Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг.: (Библиогр. с биогр. данными об авторах). Praha, 1996. Т. 1. Ч. 1–3.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>М.Ю. Досталь</i>)	5
<i>чл.-корр. РАН В.А. Тишков</i> (<i>ИОА РАН, Москва</i>)	
Российский народ и национальная идентичность	7
<i>к.и.и. Д. Шкварна</i> (<i>Университет им. Матей Бела в г. Банска Быстрица, Словакия</i>)	
Генезис словацких национальных символов	10
<i>д.и.и. Г.В. Рокина</i> (<i>Йошкар-Олинский университет, Россия</i>)	
Русские глазами словаков, словаки глазами русских: стереотипы восприятия в реалиях XIX в.	13
<i>к.и.и. М.Ю. Досталь</i> (<i>ИСл РАН, Москва</i>)	
Образ Словакии и словаков в трудах и путевых впечатлениях первых российских университетских славистов в 30–40-е гг. XIX в. .	15
<i>Д. Кодайова</i> (<i>Институт истории САН, Братислава</i>)	
Россия в путевых записках словаков (1867–1914)	17
<i>д.и.и. Л.П. Лаптева</i> (<i>МГУ, Москва</i>)	
Россия и С. Гурбан-Ваянский	19
<i>д.и.и. Е.П. Серапионова</i> (<i>ИСл РАН, Москва</i>)	
Словацко-русские контакты в начале XX века	21
<i>д.и.и. И.В. Крючков</i> (<i>Стебурпольский университет, Россия</i>)	
«Словацкий вопрос» на страницах периодики Юга России в начале XX в.	23
<i>к.и.и. Т. Ивангышинова</i> (<i>Институт история САН, Братислава</i>)	
Национальная идентичность словаков и споры о наследии Л. Штура в XX в.	27

д.и.н. Э.Г. Задорожнюк (Исл РАН, Москва)	
Проблема отношений между чехами и словаками сквозь призму сочинения Т.Г. Масарика «Россия и Европа»	30
к.ф.н. Ю.В. Богданов (Исл РАН, Москва)	
Словакия в публицистике Ильи Эренбурга	31
к.и.н. Л. Гарбулёва (Прешовский университет, Словакия)	
Малоизвестные аспекты словацко-русских культурных связей в 20–30-е гг. XX в. ю.....	33
д.и.н. М. Барновский (Институт истории САН, Братислава)	
Проблемы национальной идентичности русинов-украинцев в Словакии в XX в.	35
М.Ю. Дронов (Москва)	
Этнонациональная идентичность греко-католиков и православ- ных Восточной Словакии в межвоенный период	39
д.и.н. В.В. Марьина (Исл РАН, Москва)	
Словакия и словацкие политики глазами советских дипломатов. 1939–1941 гг.	41
д.и.н. С.И. Михальченко (Брянский университет, Россия)	
Проблема белорусской идентичности в раннем творчестве М.В. Довнар-Запольского (По переписке с Е.А. Ляцким)	45
Е.В. Гурко-Кряжина (ИНИОН, Москва)	
Русскоязычная периодика Словакии (1919–1944) в библиографическом отражении	48

Научное издание

**«Русские и словаки в XIX–XX вв.:
Контакты, взаимодействие, стереотипы**

Тезисы докладов

Международной
научной конференции
(Москва, 2–4 октября 2007 г.),
приуроченной ко Второму заседанию
Комиссии историков России и Словакии
Москва, 2007. 56 с.

Оригинал-макет --
Леньшина М.И.

Подписано в печать 18.09.2007

Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз.

Центр компьютерной полиграфии ИСл РАН -- ritlen@mail.ru

